

Пелам Гренвилл ВУДХАУС

Мистер Муллинер
рассказывает

Вечера с мистером Муллинером

Знакомьтесь: мистер Муллинер

Вся правда
о Муллинерах

Пелам Гренвилл Вудхаус

**Вся правда о
Муллинерах (сборник)**

«Издательство АСТ»

Вудхаус П.

Вся правда о Муллинерах (сборник) / П. Вудхаус —
«Издательство АСТ»,

Эта книга – бесценная коллекция рассказов о Муллинерах, в которой каждый экспонат – раритет. Сборник «Вся правда о Муллинерах» обещает читателю раскрыть на своих страницах все тайны знаменитого семейства, приглашая провести несколько приятных часов у камина в зале «Отдыха удильщика» в компании мистера Муллинера, развлекающего публику смешными историями. Неистощимое остроумие, изобретательность и находчивость Муллинера поднимет настроение даже самому заядлому пессимисту, и, возможно, девиз знаменитого семейства «Муллинеров можно озадачить, но не загнать в угол» читатель начертает и на своем щите.

Содержание

Знакомьтесь: мистер Муллинер	5
Вся правда о Джордже	5
Сочный ломоть жизни	15
Муллинеровский «Взбодритель»	25
Епископ на высоте	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пелам Гренвилл Вудхаус

Вся правда о Муллинерах

Знакомьтесь: мистер Муллинер

Вся правда о Джордже

Когда я вошел в уютный зал «Отдыха удильщика», там сидели два посетителя и один, судя по его возбужденному, но приглушенному голосу и бурной жестикуляции, рассказывал второму что-то крайне увлекательное. До меня доносились лишь отрывочные «ничего подобного мне еще видеть не приходилось» и «во-о-от такая!», но догадаться об остальном в заведении под подобной вывеской было очень легко. И когда второй, перехватив мой взгляд, подмигнул мне со страдальческой усмешкой, я сочувственно улыбнулся ему.

Вот так нас связали узы взаимной симпатии, и, когда рассказчик, завершив свою повесть, удалился, его слушатель направился к моему столику, словно уступая настойчивому приглашению.

– Какими отпетыми лгунами бывают люди! – сказал он благодушно.

– Рыболовы, – мягко указал я, – заведомо небрежны в обращении с истиной.

– Он не рыболов, – возразил мой собеседник, – а здешний врач. И рассказывал мне про пациента, который недавно обратился к нему по поводу водянки. К тому же, – и он убедительно похлопал меня по колену, – не следует особенно доверять легенде о рыболовах, пусть и весьма распространенной. Я сам рыболов и не солгал ни разу в жизни.

Поверить ему труда не составляло: такой он был уютный толстячок средних лет. А его глаза сразу же подкупили меня удивительно детской искренностью. Глаза эти были большие, круглые и честные. Я, не дрогнув, купил бы у него любую самую многообещающую акцию.

Дверь, выходившая на большую пыльную дорогу, открылась, и в нее по-кроличьи юркнул человечек, словно бы чем-то встревоженный, и выпил джина с лимонадом еще прежде, чем мы успели сообразить, что видим его. Утолив жажду, он посмотрел на нас, как будто ему было очень не по себе.

– Д-д-д-д... – сказал он.

Мы выжидающе смотрели на него.

– Д-д-добрый д-д-д-д...

Его нервы, видимо, не выдержали, и он исчез столь же внезапно, как и появился.

– Мне кажется, он клонил к тому, чтобы пожелать нам доброго дня, – высказал догадку мой собеседник.

– Вероятно, – заметил я, – человеку с подобным дефектом речи очень тяжело завязывать разговор с незнакомцами.

– Скорее всего он пытается излечить себя. Как мой племянник Джордж. Я вам когда-нибудь рассказывал про моего племянника Джорджа?

Я напомнил ему, что мы только-только познакомились и я впервые услышал, что у него имеется племянник по имени Джордж.

– Юный Джордж Муллинер. Моя фамилия Муллинер. Я расскажу вам, как обстояло дело с Джорджем. Во многих отношениях весьма поучительный случай.

Мой племянник Джордж (начал мистер Муллинер) был на редкость приятным юношей, но с самого нежного возраста он страдал жутким заиканием. Будь он вынужден зарабатывать

на хлеб, этот дефект явился бы величайшим камнем преткновения на его жизненном пути, но, к счастью, отец оставил ему вполне приличный доход, и Джордж вел не слишком тягостную жизнь в селении, где родился, проводя дни в обычных деревенских развлечениях, а по вечерам решая кроссворды. К тридцати годам он знал об Осии, пророке, о Ра, боге солнца, и о птице эму больше, чем кто-либо еще в графстве, исключая Сьюзен Блейк, дочь приходского священника, которая тоже увлекалась решением кроссвордов и была первой девушкой в Вустершире, установившей, что такое «стеарин» и «корпускулярность».

Именно общение с мисс Сьюзен впервые натолкнуло Джорджа на мысль, что ему необходимо излечиться от заикания. Естественно, разделяя увлечение кроссвордами, они часто виделись, так как Джордж то и дело заглядывал в домик при церкви, чтобы спросить Сьюзен, какое слово из шести букв «имеет отношение к профессии водопроводчика», а Сьюзен с таким же постоянством навещала уютный коттедж Джорджа, если ее, как и всякую девушку, ставило в тупик очередное слово из восьми букв, «связанное в основном с производством тарельчатых клапанов». А потому в один прекрасный вечер сразу после того, как она помогла ему разобраться со словом «псевдопериптер», молодого человека внезапно озарило и он понял, что в ней для него заключен весь мир, или, как он в силу привычки выразился про себя, она для него – любимая, дражайшая, душенька, возлюбленная, высоко чтимая или ценимая.

И все же всякий раз, когда он пытался сказать ей это, ему не удавалось продвинуться дальше пришептывающего бульканья, от которого толку было не больше, чем от заикания.

Очевидно, требовалось незамедлительно принять самые решительные меры. И Джордж отправился в Лондон показаться специалисту.

– Да? – сказал специалист.

– Я-а-а-а, – сказал Джордж.

– Вы хотите сказать?

– Л-л-л-у-у-у...

– Спойте, – сказал специалист.

– С-с-с-с-с? – с недоумением переспросил Джордж.

Специалист объяснил. Это был добрый человек с усами, траченными молью, и глазами, как у мечтательной трески.

– Очень многие из тех, – сказал он, – кому не дается ясная артикуляция в разговорной речи, убеждаются на опыте, что по четкости и звучности могут соперничать с колокольным звоном, стоит им разразиться песней.

Джорджу этот совет показался дельным. Он задумался, потом откинул голову, зажмурил глаза и дал волю своему мелодичному баритону.

– Я в деву юную влюблен, – пел Джордж. – Она лилея чистоты.

– Ну разумеется, – вставил специалист, слегка поморщившись.

– О, Сьюзен, Вустера цветок, виденье нежной красоты.

– А! – сказал специалист. – Видимо, очень славная девушка. Это она? – спросил он, водружая на нос очки и прищуриваясь на фотографию, которую Джордж извлек из недр левой половины своего жилета.

Джордж кивнул и набрал полную грудь воздуха.

– Да, сэр, – зажигательно начал он, – это девочка моя. Нет, сэр, тут не ошибаюсь я. И когда к священнику схожу, прямо я ему скажу: «Да, сэр, это...»

– Весьма, – поспешно перебил специалист, обладатель тонкого музыкального слуха. – Весьма, весьма.

– Знай вы Сьюзи, мою Сьюзи, – завел Джордж новый шлягер, но слушатель вновь прервал его:

– Весьма. Вот именно. Не сомневаюсь. А теперь, – сказал специалист, – что, собственно, вас беспокоит? Нет-нет, – поспешно добавил он, когда Джордж накачал воздуха в легкие, – не пойте. Перечислите все подробно вот на этом листе бумаги.

Джордж перечислил.

– Гм! – изрек специалист, ознакомившись с подробным перечнем. – Вы желаете приударить, поухаживать, приволокнуться за этой девушкой с целью брака, женитьбы, супружеского союза, но обнаруживаете, что неспособны, несмелы, некомпетентны, неумелы и бессильны. При каждой попытке ваши голосовые связки терпят неудачу, недотягивают, оказываются ушибленными, негодными и подкладывают вам свинью.

Джордж кивнул.

– Случай не такой уж редкий. Мне не раз приходилось иметь дело с подобным. Воздействие любви на голосовые связки субъекта, пусть даже красноречивого в нормальных условиях, очень часто оказывается губительным. Если же мы имеем дело с заикой, то, как установлено опытным путем, в девяноста семи целых пятистах шестидесяти девяти тысячных процента случаев божественная страсть свергает субъекта в состояние, когда он издает звуки наподобие сифона с содовой, который пытается декламировать «Гунгу Дина» Киплинга. Есть только один способ излечения.

– К-к-к-к-к? – осведомился Джордж.

– Сейчас объясню. Заикание, – продолжал специалист, складывая ладони домиком и благожелательно глядя на Джорджа, – чаще всего есть явление чисто психическое и порождается застенчивостью, которая порождается комплексом неполноценности, который, в свою очередь, порождается подавляемыми желаниями, или интровертным торможением, или там еще чем-нибудь. И всем молодым людям, которые приходят сюда и изображают сифоны с содовой, я рекомендую ежедневно, минимум трижды, беседовать с тремя абсолютно незнакомыми людьми. Завязывайте разговор с избранными незнакомцами, каким бы последним идиотом вы себя при этом ни чувствовали, и не пройдет и двух месяцев, как вы обнаружите, что скромная ежедневная доза подействовала. Застенчивость мало-помалу исчезнет, а с ней исчезнет и заикание.

Затем, попросив молодого человека – безупречно твердым голосом, свободным от каких-либо дефектов речи, – вручить ему гонорар в пять гиней, специалист отпустил Джорджа в широкий мир.

Чем больше Джордж размышлял над полученной рекомендацией, тем меньше она ему нравилась. В такси, которое везло его на вокзал, откуда ему предстояло отправиться назад в Ист-Уобсли, он ежесекундно содрогался. Как все застенчивые молодые люди, он никогда прежде не считал себя застенчивым, предпочитая объяснять неловкость в обществе себе подобных редкими и возвышенными достоинствами своей души. Но теперь, когда ему это было объявлено без малейших экивоков, он был вынужден признать себя сущим кроликом во всех сколько-нибудь значимых отношениях. При мысли о том, что ему придется вступать в непрощенные беседы с совершенно незнакомыми людьми, его начинало тошнить.

Но ни один Муллинер еще никогда не уклонялся от исполнения неприятного долга. Поднявшись на перрон и широким шагом направляясь к своему поезду, он стиснул зубы, в глазах его вспыхнул почти фанатичный огонь решимости, и он проникся намерением еще до конца поездки провести три душевных беседы – пусть даже ему придется пропеть каждое слово!

Купе, в котором он расположился, было в тот момент пустым, но как раз перед тем, как поезд тронулся, в него вошел весьма крупный мужчина свирепого вида. Джордж в качестве своего первого подопытного предпочел бы кого-нибудь не столь внушительного, но он взял себя в руки и слегка наклонился вперед. И в ту же секунду незнакомец заговорил.

– По-по-по-по-погода, – сказал он, – ка-ка-как бу-бу-будто об-об-обещает ста-ста-стать по-по-получше, ве-верно?

Джордж откинулся на спинку, словно получив удар между глаз. К этому моменту поезд уже покинул сумрак вокзала, и солнце лило яркие лучи на говорившего, высвечивая его могучие плечи, тяжелую челюсть и, главное, сокрушающе холерическое выражение глаз. Ответить такому человеку «д-д-д-да» было бы чистейшим безумием.

Однако молчание тоже явно ничего хорошего не сулило. Безмолвие Джорджа словно бы пробудило в незнакомце наихудшие страсти. Лицо его побагровело, глаза зловеще засверкали.

– Я за-за-задал ве-ве-вежливый во-во-во... – сказал он раздраженно. – Или вы г-г-г-глухой?

Мы, Муллинеры, славимся своей находчивостью. И Джорджу потребовалось не более секунды, чтобы разинуть рот, показать на свои миндалины и испустить придушенное бульканье.

Напряжение смягчилось, злость незнакомца поугасла.

– Н-н-н-немой? – сказал он сочувственно. – П-п-п-рошу п-п-п-п... Н-н-н-надеюсь, я вас н-н-н-не об-б-б-об... Д-д-д-должно б-б-б-быть, о-ч-ч-чень т-т-т-тяжело об-б-б-бла... д-д-д-деф-ф-ф... ре-ч-ч-чи.

После чего он уткнулся в газету. А Джордж съежился в своем уголке, дрожа всем телом.

Чтобы добраться до Ист-Уобсли, как вы, без сомнения, знаете, необходимо сделать пересадку в Ипплтоне. К тому времени, когда лондонский поезд остановился в Ипплтоне, Джордж уже более или менее обрел душевное равновесие. Он положил чемодан на полку в купе поезда на Ист-Уобсли, застывшего в ожидании отправления по другую сторону платформы, и, удостоверившись, что до отправления остается десять минут, решил скоротать время и подышать свежим воздухом, прогуливаясь взад и вперед.

День выдался чудесный. Солнце щедро золотило платформу своими лучами, а с запада дул приятный ветерок. Чуть в стороне от железнодорожного полотна звонко журчал ручей, в живых изгородях пели птицы, и за деревьями можно было различить величественный фасад приюта для умалишенных графства. Умиротворенный окружающей благодатью, Джордж пришел в превосходнейшее расположение духа и пожалел, что на платформе этой захолустной станции нет никого, с кем бы он мог завязать беседу.

И вот тут-то на платформу поднялся незнакомец достойнейшего облика. Сложен он был атлетически и очень скромно одет в пижаму, коричневые сапоги и макинтош. В одной руке он держал цилиндр, в который опускал другую руку, вынимал ее и непонятным жестом помахивал пальцами вправо и влево. Он кивнул Джорджу столь благожелательно, что тот, хотя и был несколько удивлен простотой костюма любезного незнакомца, решился заговорить с ним. В конце-то концов, подумал он, не одежда делает человека, а судя по этой улыбке, под курткой в оранжево-лиловую полоску билось отзывчивое сердце.

– П-п-п-погода от-т-т-личная, – сказал Джордж.

– Рад, что она вам нравится, – отозвался незнакомец. – Я ее специально заказал.

Джорджа это утверждение несколько удивило, но он не отступил.

– М-м-м-могу я спросить, ч-ч-ч-то вы д-д-д-делаете?

– Делаю?

– С-с-с-с этой шля-п-п-пой?

– А, с этой шляпой! Понимаю, понимаю. Всего лишь разбрасываю золотые монеты в толпу, – ответил незнакомец, вновь запуская пальцы в цилиндр и вскидывая руку в щедром жесте. – Дьявольски скучное занятие, но положение обязывает. Дело в том, – добавил он, беря Джорджа под руку и доверительно понижая голос, – что я император Абиссинии, а вон там мой дворец. – Он ткнул пальцем в сторону деревьев. – Но – никому ни слова. Это не подлежит разглашению.

С улыбкой, довольно-таки кривой, Джордж попытался высвободить руку, но его собеседник решительно воспротивился такой холодности. Видимо, он был полностью согласен с изречением Шекспира, утверждающим, что, обретя друга, его необходимо приковать к себе стальными обручами. Удерживая Джорджа железной хваткой, он увлек его за угол станционного здания и с удовлетворением огляделся.

– Наконец-то мы одни! – сказал он.

Но Джордж уже сам с мучительным содроганием постиг этот факт. В цивилизованном мире трудно отыскать более безлюдное место, чем платформа маленькой станции. Солнце озаряло гладкий асфальт, блестящие рельсы и автомат, который в обмен на пенни, опущенное в щель с надписью «Спички», незамедлительно выдавал ириску, – но больше оно ничего не озаряло.

В этот миг Джорджу нестерпимо хотелось узреть отряд полицейских, вооруженных увесистыми дубинками, но нигде не было видно даже дворняжки.

– Я давно хотел побеседовать с вами, – любезно сказал незнакомец.

– Н-н-н-неужели?

– Да. Я хочу узнать вашу точку зрения на человеческие жертвоприношения.

Джордж сказал, что не одобряет их.

– Но почему? – изумился незнакомец.

Джордж сказал, что затрудняется объяснить.

Не одобряет, и все.

– Полагаю, что вы заблуждаетесь, – сказал император. – Мне известно, что появилась философская школа, проповедующая сходные взгляды. Но я ее не признаю. Терпеть не могу все эти передовые теории. Императоры Абиссинии всегда уважали человеческие жертвоприношения, а потому и я их уважаю. Будьте любезны, войдите сюда.

Он указал на хранилище фонарей, швабр и прочих полезных предметов, с которыми они как раз поравнялись. Это было темное зловещее помещение, пропахшее керосином и носильщиками, и Джорджу, бесспорно, меньше всего хотелось затвориться там с собеседником, исповедующим такие странные убеждения. Он попятился.

– Только после вас.

– Никаких штучек! – подозрительно предупредил его собеседник.

– Ш-ш-ш-штучек?

– Да. Не заталкивать внутрь, дверь не запирать, не поливать в окно водой из кишки.

– К-к-к-конечно, н-н-н-нет.

– То-то! – изрек император. – Вы джентльмен, я джентльмен. Мы оба джентльмены. Кстати, у вас есть с собой нож? Нам понадобится нож.

– Нет. Ножа нет.

– Ну что же, – сказал император. – Придется нам поискать что-нибудь другое. Без сомнения, мы сумеем найти выход.

С величавым добродушием, которое так ему шло, он рассыпал еще одну горсть золотых монет и вошел в кладовку.

Запереть дверь Джорджу помешало не слово, которое он дал как джентльмен джентльмену. Вероятно, в мире нет семьи, все члены которой столь скрупулезно исполняли бы каждое свое обещание, как Муллинеры, однако я вынужден сказать, что Джордж, оказавшись у него под рукой ключ от этой двери, тут же запер бы ее без малейших колебаний. Но ключа под рукой у него не оказалось, и ему пришлось просто ее захлопнуть. Затем он отскочил от нее и помчался прочь по платформе. Донесшийся сзади грохот как будто указывал, что у императора вышли нелады с керосиновыми фонарями.

Джордж использовал свою фору наилучшим образом. С неимоверной быстротой покрыв расстояние, отделявшее его от поезда, он вскочил в свое купе и нырнул под сиденье.

Там он притаился, дрожа всем телом. Внезапно ему почудилось, что его неприятный знакомец напал на его след – дверь купе отворилась, и Джорджа обдало прохладным ветерком. Однако, бросив взгляд вдоль пола, он увидел женские лодыжки и испытал неимоверное облегчение. Однако оно не заставило его забыть о хороших манерах. Джордж, сама галантность, плотно зажмурил глаза.

Раздался голос:

– Носильщик!

– Слушаю, мэм?

– Что это за суматоха возле станции?

– Из приюта сбежал умалишенный, мэм.

– Боже мой!

Голос, несомненно, добавил бы еще что-то, но тут поезд тронулся. Затем раздался глухой звук, будто весомое тело опустилось на мягкое сиденье, а вскоре зашуршала газетная бумага. Поезд набрал скорость и запрыгал на стрелках.

Джордж впервые отправился в путь под диванчиком железнодорожного вагона, но, хотя он принадлежал к молодому поколению, по общему мнению жаждущему новых впечатлений, в эту минуту новизна его не прельщала. Он решил выбраться на волю, причем выбраться елико возможно незаметнее.

Как ни мало он знал о женщинах, ему было известно, что прекрасный пол имеет привычку пугаться при виде мужчин, выползающих в купе из-под диванчиков. И свое выполнение он начал с того, что высунул голову и обозрел местность.

Все выглядело многообещающе. Женщина на противоположном диванчике была погружена в чтение газеты. Бесшумно извиваясь, Джордж извлек свое тело из тайника и движением, которое было по силам только человеку, занимающемуся по утрам шведской гимнастикой, перебрался на угол диванчика. Женщина продолжала читать газету.

События последней четверти часа заставили Джорджа позабыть о миссии, которую он возложил на себя, выходя из приемной специалиста. Но теперь, в спокойной обстановке, он понял, что время, за которое он мог бы успешно завершить курс лечения в первый день, стремительно убывает. Специалист рекомендовал ему побеседовать с тремя незнакомыми людьми, а пока он успел поговорить только с одним. Правда, этот один был весьма внушительным собеседником, и менее совестливый молодой человек, чем Джордж Муллинер, мог бы счесть себя вправе засчитать его за полтора искомых незнакомца, а то и за целых двух. Однако в Джордже жила упрямая муллинеровская честность, и он не позволил себе передернуть факты.

Джордж собрался с духом и откашлялся.

– Кха-кха! – начал он и, открыв бал, улыбнулся обаятельной улыбкой, а затем подождал, давая своей спутнице сделать следующий ход.

Следующий ход его спутница сделала на семь-восемь дюймов вертикально вверх: она уронила газету и уставилась на Джорджа, побелев от ужаса. Легко вообразить, что именно так Робинзон Крузо смотрел на отпечаток босой ноги в песке. Она твердо знала, что сидит в купе одна, и вдруг – о! – в нем прозвучал чей-то голос! Лицо у нее задергалось, но она ничего не сказала.

Джордж, со своей стороны, испытывал некоторую неловкость. В присутствии женщин его природная застенчивость возрастала вдвое. Он никогда не знал, что бы такое им сказать.

И тут его осенила счастливая мысль. Он как раз покосился на часы и обнаружил, что их стрелки указывают половину пятого. А он знал, что примерно в это время женщины всегда рады выпить чашечку чая, и, к счастью, в его чемодане покоился термос, полный этого напитка.

«Простите, не могу ли я предложить вам чашечку чая?» – вот что он намеревался сказать, но, как часто с ним случалось в присутствии слабого пола, издать он сумел лишь шелестящий звук, словно тараканиха, созывающая своих отпрысков.

Женщина продолжала смотреть на него. Ее глаза к этому моменту достигли размеров стандартных мячей для гольфа, а дыхание приводило на ум последнюю стадию астмы. И вот тут-то на Джорджа, пытавшегося произнести хоть слово, снизошло то озарение, которое часто нисходит на Муллинеров. В его памяти воскрес совет специалиста касательно пения. Выразить это вокально – вот выход!

Он не стал откладывать.

– Чай для двоих, и за чаем двое, я с тобою и ты со мною.

Тут лицо его спутницы приобрело оттенок бутылочного стекла, и в растерянности он решил выразиться яснее.

– У меня есть термос, полный-полный термос. И его открою я сейчас. Если небо серо, на душе тоскливо, вместе с чаем солнце выглянет для нас. У меня есть термос, полный-полный термос. Так могу ль налить я чашечку для вас?

Думаю, вы согласитесь со мной, что было бы трудно выбрать более удачную форму приглашения, но у его спутницы оно отклика не вызвало. Бросив на Джорджа заключительный угасающий взгляд, она закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья. Ее губы обрели странный серо-голубой оттенок и слабо шевелились. Джорджу, который, как и я, страстный рыбовод, она напомнила только что оглушенного лосося.

Джордж вновь замер в своем уголке, размышляя. Но, как он ни напрягал мозг, ему не удавалось найти тему, которая наверняка заинтересовала бы и развлекла собеседницу, а его возвысила. Он со вздохом уставился в окно.

Поезд теперь приближался к милым, старым, таким знакомым окрестностям Ист-Уобсли. За окном, сменяя одна другую, проплывали местные достопримечательности. При мысли о Сьюзен на Джорджа нахлынула волна нежных чувств, и он потянулся за пакетом с булочками, которые купил в ипплтонском буфете. Нежные чувства всегда будили в нем аппетит.

Он извлек из чемодана термос, отвинтил крышку и налил себе чашку чая. Потом, поставив термос на сиденье, он отхлебнул первый глоток.

И поглядел на свою спутницу напротив. Глаза у нее все еще были закрыты, и она испускала еле слышные вздохи. Джордж хотел было повторить свое предложение, но сумел вспомнить еще только один мотив – «Ханна, Ханна! Бьет с тобой чечетку вся саванна», – однако подобрать к нему подходящие слова казалось весьма трудным делом. Он съел булочку и обратил взор на знакомый пейзаж за окном.

Теперь мне следует указать, что, приближаясь к Ист-Уобсли, поезд проходит несколько стрелок, причем внезапная встряска бывает так сильна, что известны случаи, когда даже сильные мужчины расплескивали пиво. Джордж, поглощенный своими мыслями, позабыл про это и поставил термос всего в паре дюймов от края сиденья. И вот, когда вагон подпрыгнул на стрелке, термос подскочил, будто живое существо, хлопнулся об пол и взорвался.

Даже Джорджа ошеломило «ба-бах!», прозвучавший, как гром среди ясного неба. Булочка вырвалась из его пальцев и рассыпалась крошками. Он трижды стремительно моргнул. Сердце порывалось выскочить у него изо рта и распатало передний зуб.

Однако на женщину напротив него неожиданные события произвели куда большее впечатление. С кратким пронзительным воплем она взвилась над своим сиденьем, будто вырвавшийся из кустов фазан, и, уцепившись за шнур ручного тормоза, упала на прежнее место. Как ни внушителен был ее первый подскок, теперь она превзошла прежний результат на несколько дюймов. Не знаю, каков в настоящее время рекорд для прыжков в высоту из положения сидя,

но она, бесспорно, побила его на несколько дюймов, и, будь Джордж членом Олимпийского комитета, он без малейших колебаний тут же зачислил бы ее в национальную команду.

Как ни странно, хотя железнодорожные компании любезно предоставляют своим клиентам возможность за весьма умеренную плату в пять фунтов дернуть разок ручку тормоза, практически не отыщется пассажира, который дернул бы ее – или хотя бы присутствовал при таком дерганье. А потому общество в целом не осведомлено о том, что, собственно, происходит в подобных случаях.

Происходит, по словам Джорджа, вот что: во-первых, раздается ужасающий скрип тормозов. Затем поезд останавливается. И наконец, со всех сторон света к нему начинают стекаться любопытствующие.

Произошло все вышеописанное примерно в полутора милях от Ист-Уобсли, и вокруг, насколько хватал глаз, царило полное безлюдье. Мгновение назад видны были лишь улыбающиеся нивы и обширные луга, но теперь с востока, запада, севера и юга одна за другой появлялись бегущие фигуры. Нам следует помнить, что Джордж уже пребывал в несколько взвинченном состоянии, а потому его утверждения следует принимать с некоторой осторожностью, однако из его слов явствует, что посреди пустынного луга без единого кустика, где и мыши укрыться бы негде, внезапно возникло минимум двадцать семь селян, очевидно, выскочивших из-под земли.

На рельсах, за миг до того никем не занятых, теперь собралась такая густая толпа землекопов, что, по мнению Джорджа, было бы полной нелепицей утверждать, будто в Англии существует безработица: ведь тут явно присутствовали все до единого члены трудящихся классов страны. Сверх того из поезда, который в Ипплтоне выглядел совсем пустым, теперь валом валили пассажиры. Все вместе слагалось в массовую сцену, при виде которой Дэвид У. Гриффит завизжал бы от восторга. По словам Джорджа, происходящее напоминало День открытых дверей в Королевском автомобильном клубе. Однако, как я уже упоминал, не следует забывать о его взвинченном состоянии.

Трудно сказать, как в подобных обстоятельствах надлежит вести себя человеку с безупречными манерами. По моему мнению, самому невозмутимому светскому льву потребовалась бы вся полнота хладнокровия и выдержки, чтобы с честью выйти из такого щекотливого положения. Джордж, могу сказать сразу, тут же осознал, что ему это никак не по силам. Среди бури эмоций путеводной звездой замерцала одна-единственная мысль: разумнее всего будет удалиться с поля брани, причем незамедлительно. Глубоко вздохнув, он стремительно стартовал.

Мы, Муллинеры, в свое время все отличались в разных видах спорта. И в университете Джордж славился быстротой бега. А теперь он бежал так, как не бегал еще никогда в жизни. Впрочем, его утверждение, будто, проносясь через луг, он ясно увидел, как кролик завистливо посмотрел на него и безнадежно пожал плечами, не вызывает у меня особого доверия. Я уже указывал, что Джордж был несколько перевозбужден.

Тем не менее не подлежит сомнению, что бежал он великолепно. Чему способствовал тот факт, что после первых секунд ошеломления, обеспечивших ему некоторую фору, вся толпа устремилась следом за ним. И сквозь свистевший в ушах ветер он смутно различал позади себя голоса, дружески обсуждавшие, не линчевать ли его на месте. К тому же луг, через который он бежал, мгновение назад зеленый и безлюдный, теперь зачернел фигурами во главе с бородачом, размахивавшим вилами. Бросив быстрый взгляд через плечо на своих преследователей, Джордж резко метнулся вправо. Они вызвали у него сильную антипатию, особенно бородач с вилами. Тому, кто при этом не присутствовал, невозможно определить, сколько времени длилась погоня и какое расстояние покрыли ее участники. Мне хорошо известны окрестности

Ист-Уобсли, и если утверждения Джорджа соответствуют действительности, то в восточном направлении он достиг Малого Уигмарша-на-Болоте, а в западном – так даже Хиглфорда-с-Уортлбери-под-Холмом, иными словами, он, бесспорно, пробежал изрядную дистанцию.

Однако необходимо учитывать, что человеку на бегу некогда подмечать мелкие детали, и, возможно, деревня Хиглфорд-с-Уортлбери-под-Холмом была вовсе не Хиглфорд-с-Уортлбери-под-Холмом, а совсем другим селением, довольно с ней схожим. Едва ли мне нужно пояснять, что я имею в виду Малый Снодсбери-в-Долине.

А потому более вероятно, что Джордж от Малого Уигмарша-на-Болоте рванул в сторону и добрался именно до Малого Снодсбери-в-Долине. Дистанция тем не менее весьма внушительная. А поскольку он помнит, что пробежал мимо свинарника фермера Хиггинса, миновал «Собаку и Селезня» в Пондлбери-Парве и пересек вброд ручей Уипл в месте впадения последнего в речку Уопл, мы с полным основанием можем предположить, что, куда бы он еще ни завернул, ноги ему удалось поразмять очень порядочно.

Но и самому приятному времяпровождению наступает конец, и когда закатное солнце позолотило шпиль увитой плющом церкви святого Вараввы Стойкого, в которой Джордж так часто сживал в нежном возрасте, скрашивая скуку от проповеди выразительными гримасами в адрес мальчиков хора, случайный наблюдатель мог бы заметить, как по главной улице Ист-Уобсли с трудом передвигается непрезентабельная, увлажненная потом фигура, направляясь к уютному домику, который подрядчик нарек «Четсуортом», а сельские торговцы прозвали «Муллинеровским».

Это был Джордж на скорбном пути к родным пенатам.

Джордж Муллинер медленно приблизился к такой знакомой двери, проковылял в нее и рухнул в любимое кресло. Однако миг спустя более неотложная потребность возобладала над стремлением отдохнуть. С трудом поднявшись, пошатываясь, он побрел на кухню и налил себе живительного виски с содовой. Вновь наполнив стакан, он вернулся в гостиную и обнаружил, что он в ней не один. Стройная белокурая девушка, со вкусом одетая в сшитый по мерке костюм из твида, наклонялась над столиком, на котором он хранил свой «Словарь синонимов».

Она обернулась на звук его шагов и вздрогнула.

– Мистер Муллинер! Что с вами случилось? Ваша одежда превратилась в лохмотья, отрепья, рубище, рвань, а ваши волосы растрепаны, всклокочены, спутаны и свисают лохмами.

Джордж улыбнулся бледной улыбкой.

– Вы правы, – сказал он. – И более того, я нахожусь в состоянии крайнего утомления, усталости, упадка сил, изнеможения и прострации.

Девушка глядела на него с божественной жалостью в прелестных глазах.

– Я так вам сочувствую, – сказала она. – Так глубоко огорчена, удручена, сражена, уязвлена, сокрушена, опечалена, угнетена и расстроена.

Джордж взял ее руку в свои. Ее нежное участие принесло ему исцеление, которого он так долго искал. После бурных переживаний этого дня оно подействовало на него, как целительные чары, волшебный амулет или заклинание. Внезапно он понял, что более не заика! Если бы ему в этот миг захотелось сказать: «Сшит колпак не по-колпаковски, надо его переколпаковать, перевыколпаковать», он произнес бы эту магическую формулу без единой запинки.

Но он жаждал сказать совсем другое.

– Мисс Блейк Сьюзен... Сьюзи! – Он взял ее другую руку, а голос его звенел четко и ясно. Ему даже не верилось, что некогда в присутствии этой девушки он булькал, будто перегревшийся радиатор. – Вы не могли не заметить, что я уже давно питаю к вам чувство, более жаркое и глубокое, чем просто дружба. Любовь, Сьюзен, вот что пылает в моей груди. Любовь сначала крохотным семечком зародилась в моем сердце и росла, пока не вспыхнула пожаром, не смела своим девятым валом мою робость, мои сомнения, мои страхи и опасения, и теперь, будто

топаз, венчающий какую-то древнюю башню, она громовым голосом оповещает весь мир: «Ты моя! Моя подруга! Моя суженая с начала Времен!» И как звезда ведет морехода, когда, измученный борьбой с кипящими волнами, он поворачивает свой корабль к дому, к гавани надежды и счастья, так и вы озаряете меня на ухабистой дороге жизни и словно говорите: «Мужайтесь, Джордж! Я здесь!» Сьюзен, я не красноречив, мне не дано выражаться столь прекрасно и возвышенно, как я желал бы, но простые безыскусные слова, которые вы сейчас слышали, исходят из самого сердца, из незапятнанного сердца английского джентльмена. Сьюзен, я люблю вас. Согласны ли вы стать моей женой, замужней женщиной, матроной, супругой, подругой дней, благоверной, помощницей или дражайшей половиной?

– Ах, Джордж! – сказала Сьюзен. – Да, ага, угу! Решительно, безоговорочно, неопровержимо, неоспоримо и вне всяких сомнений.

Он заключил ее в объятия. И в ту же секунду снаружи – довольно тихо, будто издалека – донеслись голоса и топот ног. Джордж прыгнул к окну. Из-за угла «Коровы и Тачки», питейного заведения с разрешением торговать всеми видами эля, пива, вин и крепких спиртных напитков, показался бородач с вилами, а следом за ним валила огромная толпа.

– Любимая, – сказал Джордж, – по чисто личным и приватным причинам, которых мне незачем касаться, я должен сейчас вас покинуть. Вы не присоединитесь ко мне попозже?

– Я последую за вами хоть на край земли, – пылко ответила Сьюзен.

– Этого не потребуется, – сказал Джордж. – Я только спущусь в угольный подвал и проведу там ближайшие полчаса или около того. Если кто-нибудь зайдет и спросит меня, быть может, вас не затруднит ответить, что меня нет дома?

– О да, да! – сказала Сьюзен. – И кстати, Джордж. Я, собственно, пришла спросить, не известно ли вам четырехбуквенное слово, начинающееся на «в» и обозначающее орудие, находящее применение в сельском хозяйстве?

– Вилы, милая, – сказал Джордж. – Но поверьте мне, как человеку, проверившему это на опыте, что применение они находят не только в сельском хозяйстве.

И с этого дня (заклучил свой рассказ мистер Муллинер), хотите верьте, хотите нет, в речи Джорджа не осталось и следа каких-либо дефектов. Теперь он признанный оратор на всех политических собраниях на мили вокруг и стал настолько оскорбительно самоуверенным, что не далее как в прошлую пятницу ему поставил фонарь под глазом хлеботорговец по фамилии Стаббс. Вот так-то!

Сочный ломоть жизни

Беседа в зале «Отдыха удильщика» коснулась темы Искусства, и кто-то осведомился, стоит ли смотреть сериальную фильму «Злоключения Веры», которую показывали в «Перлах грез».

– Очень хорошая фильма, – сказала мисс Постлетуэйт, наша обходительная и компетентная буфетчица и завсегдатай премьер. – Там все про этого самого свихнутого профессора, которому в когти попала эта самая девушка, и он старается превратить ее в креветку.

– Старается превратить ее в креветку? – повторили мы в изумлении.

– Да, сэр, в креветку. Он, выходит, собрал тьму-тьмущую креветок, истолок их, прокипятил сок из их железок и как раз собрался впрыснуть его в спинной мозг этой Веры Дейримпл, но тут в его логово ворвался Джек Фробишер и спас ее.

– А зачем?

– Затем, что не хотел, чтобы его любимая стала креветкой.

– Мы не о том, – сказали мы. – Зачем этому профессору понадобилось превращать девушку в креветку?

– У него был на нее зуб.

Это выглядело правдоподобным, и мы погрузились в размышления. Затем кто-то из нас неодобрительно покачал головой.

– Не нравятся мне подобные истории, – сказал он. – Так в жизни не бывает.

– Прошу прощения, сэр, – раздался голос, и мы обнаружили среди нас мистера Муллинера.

– Извините, что я вмешиваюсь в беседу, возможно, приватную, – сказал мистер Муллинер, – но я случайно услышал последние замечания, и вы, сэр, затронули предмет, относительно которого я придерживаюсь самых категоричных взглядов. А именно: как бывает в жизни, а как нет. В силах ли мы с нашим ограниченным личным опытом ответить на этот вопрос? Не исключено, что в эту самую минуту сотни юных девушек по всей стране находятся в процессе превращения в креветок, а мы и знать об этом не знаем. Извините мою горячность, но я много страдал из-за скептицизма, господствующего в наши дни. Мне даже встречались люди, которые отказывались поверить рассказу о моем брате Уилфреде, – и только потому, что его история не совсем укладывается в рамки личного опыта среднего человека.

В расстройстве чувств мистер Муллинер заказал горячего шотландского виски с ломтиком лимона.

– А что произошло с вашим братом Уилфредом? Он превратился в креветку?

– Нет, – ответил мистер Муллинер, обращая на лицо говорящего правдивые голубые глаза, – нет, не превратился. Мне ничего не стоило бы заявить, будто он превратился в креветку, но я взял за правило – и всегда его придерживаюсь – не говорить ничего, кроме чистой правды. Моему брату Уилфреду просто довелось пережить странное приключение.

Мой брат Уилфред (начал мистер Муллинер) обладал в нашей семье наиболее научным складом ума. Еще мальчиком он с утра до ночи возился со всякими химикалиями, а в университете все свое время посвящал научным изысканиям. В результате еще совсем молодым он заслуженно прославился как изобретатель «Муллинеровских Магических Метаморфоз» – общее название, включающее крем для лица «Смуглая цыганка», лосьон «Снега горных вершин» и еще множество всяческих препаратов, как предназначенных исключительно для ухода за внешностью, так и целебных, излечивающих различные недуги, которым подвержено человеческое тело.

Естественно, он был крайне занятым человеком, и как раз такой поглощенностью работой я объясняю тот факт, что он достиг тридцать четвертого года жизни, чуждаясь сердечных дел, хотя и обладал – подобно всем Муллинерам – огромным личным обаянием. Помню, как он однажды сказал мне, что у него на девушек просто не находится лишней минуты.

Но все мы рано или поздно бываем сражены, и в особенности сильные, сосредоточенные на своем призвании мужчины. Как-то, отправившись отдохнуть в Канн, он познакомился с мисс Анджелой Пьюрдью, проживавшей в одном с ним отеле, и она совершенно его покорила.

Была она одной из тех веселых бодрячек, которые всему предпочитают спорт и развлечения на открытом воздухе. И Уилфред признался мне, что прежде всего его пленил в ней здоровый загар. Собственно, он именно это сказал самой мисс Пьюрдию вскоре после того, как, сделав предложение, получил согласие и она с девичьим кокетством осведомилась, какое именно ее качество пробудило в нем любовь.

– Такая жалость, – вздохнула мисс Пьюрдью, – что загар быстро сходит! Ах, если бы я знала способ, как сохранять его подольше!

Но и во власти самого святого из чувств Уилфред не забывал, что он – деловой человек.

– Вам следует испробовать муллинеровский крем для лица «Смуглая цыганка», – сказал он, – поступающий в продажу в маленьких (по полкроны) баночках и больших – по семь шиллингов шесть пенсов. Большая баночка содержит в три с половиной раза больше крема, чем маленькая. Он наносится на лицо миниатюрной губкой ежевечерне перед отходом ко сну. Многочисленные члены аристократических семейств засвидетельствовали высокое качество этого крема, с каковыми свидетельствами всякий заинтересованный покупатель может ознакомиться в конторе компании.

– И он действительно так хорош?

– Его создал я, – просто ответил Уилфред.

Она посмотрела на него с обожанием.

– Как вы талантливы! Любая девушка должна гордиться, выходя за вас замуж.

– Ах, что там! – ответил Уилфред, скромно махнув рукой.

– Тем не менее мой опекун страшно рассердится, когда я скажу ему, что мы помолвлены.

– Но почему?

– Видите ли, после кончины моего дяди я унаследовала миллионы семьи Пьюрдью, и мой опекун всегда хотел, чтобы я вышла за его сына Перси.

Уилфред нежно ее поцеловал и засмеялся надменным смехом.

– Же мон фиш дер селяр¹, – сказал он небрежно.

Однако через несколько дней после возвращения в Лондон, куда его возлюбленная отбыла раньше него, ему пришлось вспомнить ее слова. Он сидел в своем рабочем кабинете, размышляя над составом средства для излечения типуна у канареек, когда вошел слуга с визитной карточкой.

«Сэр Джаспер ффинч-ффарроумир, баронет», – прочел Уилфред. Фамилия эта была ему незнакома.

– Пригласите джентльмена войти, – сказал он, и вскоре в кабинет вошел весьма дородный мужчина с широким розовым лицом. Уилфред почувствовал, что обычно это лицо должно лучиться благодушием, но в этот момент оно было хмурым, как грозовое небо.

– Сэр Джаспер Финч-Фарроумир? – осведомился Уилфред.

– Ффинч-ффарроумир, – поправил посетитель, чей чуткий слух уловил заглавные буквы.

– Ах так! Вы пишете свою фамилию с двумя маленькими «эф»?

– С четырьмя маленькими «эф»!

– И чему я обязан честью?

¹ Плевать я на это хотел (*ломан. фр.*).

– Я опекун Анджелы Пьюрдю.

– Как поживаете? Виски с содовой?

– Благодарю вас, нет. Я не употребляю горячительные напитки. Я обнаружил, что алкоголь способствует увеличению веса, а потому отказался от него. Кроме того, я отказался от сливочного масла, картофеля, любых супов и... Впрочем, – перебил он сам себя, и фанатичный блеск, вспыхивающий в глазах всех толстяков, когда они описывают избранную ими снижающую вес диету, мало-помалу угас, – это не визит вежливости, и мне не следует отнимать у вас время пустыми разговорами. У меня к вам поручение, мистер Муллинер. От Анджелы.

– Да благословит ее Бог! – вскричал Уилфред. – Сэр Джаспер, я люблю эту девушку с пылкостью, которая возрастает с каждым днем.

– Да? – сказал баронет. – Ну так я приехал сказать, что с этим кончено.

– Что?!

– Кончено, кончено. Она послала меня сказать вам, что по размышлении желает разорвать помолвку.

Глаза Уилфреда сощурились. Он не забыл слов Анджелы о том, что этот человек хочет, чтобы она вышла за его сына. Уилфред посмотрел на своего посетителя пронзительным взглядом. Эта маска добродушия более не вводила его в заблуждение. Слишком много он прочел детективных романов, в которых добродушные румяные толстяки на поверку оказывались чудовищами в человеческом облике, и подобная внешность уже не могла его обмануть.

– Да неужели? – холодно сказал он. – Я предпочел бы получить это извещение из собственных уст мисс Пьюрдю.

– Она не желает вас видеть. Однако, предвосхищая подобный ответ, я привез от нее письмо. Вы узнаете почерк?

Уилфред взял письмо. Бесспорно, почерк принадлежал Анджеле, и прочитанные им слова иному истолкованию не поддавались. Тем не менее он вернул письмо с ледяной улыбкой на губах.

Розовое лицо баронета приобрело лиловый оттенок.

– Что вы хотите этим сказать, сэр?

– То, что сказал.

– Вы намекаете...

– Вот именно.

– Ха, сэр!

– Ха-ха, – отпарировал Уилфред. – И если хотите знать, что я думаю, жалкая вы никчемность, так я думаю, что ваша фамилия пишется с одним заглавным «эф», как у всех прочих.

Уязвленный до глубины души баронет повернулся на каблуках и вышел из кабинета, не сказав более ни слова.

Хотя Уилфред Муллинер посвятил жизнь химическим изысканиям, непрактичным мечтателем он отнюдь не был. И в случае необходимости мгновенно преображался в человека действия. Не успела дверь закрыться за его посетителем, как Уилфред уже отправился в «Старейшие пробирки» – прославленный клуб химиков в Сент-Джеймсе. Там, заглянув в «Загородные резиденции» Келли, он узнал адрес сэра Джаспера – ффинч-Холл, Йоркшир. Теперь в его распоряжении были все необходимые сведения. Он решил, что Анджела заточена в ффинч-Холле.

В том, что она где-то заточена, он не сомневался с самого начала. Разумеется, написать такое письмо ее принудили угрозами. Почерк принадлежал Анджеле, но Уилфред отказывался верить, что ей, кроме того, принадлежат чувства, а также слова, в какие эти чувства были облачены. Ему припомнился роман, в котором героиня была вынуждена совершать действия, глубоко ей противные, – и потому лишь, что кто-то стоял у нее над душой с бутылкой серной кислоты в руках. Вполне возможно, что этот прощелыга-баронет проделал с Анджелой нечто подобное. Учитывая такую возможность, он не винил ее за отзыв о нем, Уилфреде, во втором

абзаце письма. Не поставил он ей в укор и холод подписи «Искренне Ваша, А. Пьюрдыю». Естественно, когда баронеты угрожают плеснуть за шиворот малую толику серной кислоты, утонченная и чувствительная девушка не может тратить время на выбор слов. Такая ситуация по необходимости возбуждает тщательные поиски *mot juste*².

День застал Уилфреда в поезде на пути в Йоркшир. Вечер застал его в «Гербе ффинчей», уютной гостинице в деревушке, сквайром которой был сэр Джаспер. А ночь застала его в садах ффинч-Холла, где он бесшумно рыскал вокруг дома и напрягал слух.

И – чу! – пока он рыскал, из окна верхнего этажа до его ушей донесся звук, заставивший Уилфреда окаменеть, точно статуя, и сжать кулаки так, что костяшки совсем побелели.

То был звук женских рыданий.

Уилфред провел бессонную ночь, но к утру у него был готов план действий. Не стану докучать вам описанием долгих и утомительных маневров, благодаря которым он сначала завязал знакомство с камердинером сэра Джаспера, *habitué*³ «Герба ффинчей», а затем, мало-помалу, с величайшей осмотрительностью завоевал его доверие при помощи дружеских слов и пива. Достаточно сказать, что примерно через неделю Уилфред щедрым подкупом побудил камердинера внезапно уехать к сраженной внезапным недугом любимой тетушке, предложив – дабы не причинять неудобств своему нанимателю – в заместители себе собственного двоюродного брата.

Как вы, быть может, догадались, этот двоюродный брат был не кто иной, как Уилфред. Но Уилфред, совсем непохожий на темноволосого молодого красавца ученого, который всего за несколько месяцев до описываемых событий совершил переворот в мире химии, доказав, что $H_2O + b3g4z7 - m9z8 = g6f5p3x$.

Перед тем как покинуть Лондон ради, как он прекрасно понимал, трудного и крайне опасного предприятия, Уилфред из предосторожности заехал к известному костюмеру и приобрел у него рыжий парик. И еще он купил синие очки, хотя для роли, которую он теперь должен был играть, они оказались более чем бесполезными. Камердинер в синих очках не мог не вызвать живейших подозрений у самого доверчивого баронета. А потому Уилфред ограничился в своей подготовке тем, что надел парик, сбрил усы и слегка намазал лицо кремом «Смуглая цыганка». Затем он отправился в ффинч-Холл.

Снаружи ффинч-Холл принадлежал к тем угрюмым, зловещим старинным загородным усадьбам, которые строились словно для того лишь, чтобы в них творились кошмарные преступления. Даже за краткое пребывание в окрестностях дома Уилфред заметил по меньшей мере десяток мест, которым явно не хватало крестика, указывающего, где полиция обнаружила труп. Именно в таких домах перед смертью наследника над крыльцом зловеще каркает ворон, а по ночам из-за зарешеченных окон доносятся пронзительные вопли.

И внутри дом отличала та же мрачность. А что до штата слуг, то ужаснее и вообразить было трудно. Он состоял из престарелой кухарки, которая, склоняясь над своими котлами, смахивала на персонаж бродячей труппы, дающей «Макбета» в захолустных городках на севере страны, и еще из Мургатройда, дворецкого, дюжего угрюмого детины, у которого один глаз косил, а другой горел злобным огнем.

Многих все это заставило бы пасть духом. Но только не Уилфреда Муллинера! Не говоря уж о том, что, подобно всем Муллинерам, он был храбр как лев, ничего другого он и не ожидал. А потому приступил к своим обязанностям, держа ухо востро, и вскоре его бдительность была вознаграждена.

² Нужное слово (*фр.*).

³ Завсегдатай (*фр.*).

Однажды, затаившись в скудно освещенных коридорах, он увидел, что по лестнице поднимается сэр Джаспер с подносом, нагруженным ломтиками поджаренного хлеба, неполной бутылки белого вина, перечницей, солонкой, блюдом с овощным гарниром и еще одним, накрытым крышкой, под которой, как определил Уилфред, осторожно приняхавшись, покоилась свиная отбивная.

Осторожно прячась в тени, он последовал за баронетом на самый верх лестницы. Сэр Джаспер остановился у двери третьего этажа. И постучал. Дверь отворилась, оттуда высунулась рука, поднос исчез, дверь затворилась, и баронет пошел обратно.

Как и Уилфред. Он ведь увидел то, что хотел увидеть, обнаружил то, что хотел обнаружить. Вернувшись на половину слуг, он под злобным наблюдением Мургатройда начал вынашивать свои планы.

– Где это ты был? – подозрительно осведомился дворецкий.

– Там и сям, – ответил Уилфред с безупречно разыгранной небрежностью.

Мургатройд смерил его угрожающим взглядом.

– Лучше не суйся, куда тебя не просят, – сказал он своим сильным басом. – В этом доме творится такое, чего видеть не следует.

– Верно, – подтвердила кухарка, бросая в котел луковицу.

Уилфред не мог сдержать невольной дрожи.

Но, даже и невольно дрожа, он испытывал некоторое облегчение. Во всяком случае, подумалось ему, голодом его возлюбленную не морят. Котлета пахла на редкость аппетитно, и, если меню постоянно было на такой высоте, на питание Анджела пожаловаться не могла.

Но облегчение его длилось недолго. В конце-то концов, что значат котлеты, спросил он себя, для девушки, заточенной в зловещем загородном доме и принуждаемой вступить в брак с нелюбимым? Да ничего они не значат! Когда сердце страдает, котлеты всего лишь паллиатив, а не целительный бальзам. И Уилфред гневно обещал себе, что не минует и нескольких дней, как он отыщет ключ от этой запертой двери и умчит свою любовь навстречу свободе и счастью.

Единственной помехой для осуществления этого плана были трудности, сопряженные с обретением ключа. В тот же вечер, пока баронет обедал, Уилфред тщательно обыскал его спальню. И ничего не нашел. Он вынужден был заключить, что ключ его наниматель держит при себе.

Так как же заполучить его?

Не будет преувеличением сказать, что Уилфред Муллинер зашел в тупик. Мозг, который наэлектризовал научный мир открытием, что, смешав крепкий кислород с калием, плеснув в смесь тринитротолуола и капельку выдержанного коньяка, вы получите пойло, которое можно импортировать в Америку как шампанское по сто пятьдесят долларов за ящик, – этот мозг был вынужден признать свое бессилие.

Анализировать состояние чувств нашего молодого человека в течение следующей недели, тянувшейся издевательски медленно, значило бы попросту впасть в депрессию. Жизнь, разумеется, не может состоять исключительно из солнечного сияния, и, излагая подобную историю, представляющую собой сочный ломоть жизни, мраку приходится уделять не меньше места, чем свету. Тем не менее подробное описание душевных мук, которые терзали Уилфреда Муллинера, пока день следовал за днем, не принося решения задачи, утомило бы вас. Вы все люди незаурядного ума и способны сами представить себе, что испытывал пылкий, глубоко влюбленный молодой человек, зная, что его любимая томится практически в сырой подземной темнице, хотя и расположенной на третьем этаже. И как он корил себя за неспособность освободить ее.

Глаза у него запали, скулы торчали, он худел, и эти перемены во внешности были столь заметными, что как-то вечером сэр Джаспер ффинч-ффароумир упомянул про них с нескрываемой завистью.

– Каким образом, черт подери, Стрейкер, – сказал он, ибо Уилфред выбрал себе именно такой псевдоним, – каким образом вы умудряетесь оставаться настолько худощавым? Если судить по еженедельным записям в книге хозяйственных расходов, вы едите, как изголодавшийся эскимос, и все же в весе не прибавляете? А я помимо отказа от сливочного масла и картофеля начал каждый вечер перед отходом ко сну пить горячий неподслащенный лимонный сок и тем не менее будь я проклят, – сказал он, ибо, как все баронеты, был склонен к соленым выражениям, – нынче утром после взвешивания оказалось, что я прибавил еще шесть унций. В чем объяснение?

– Да, сэр Джаспер, – машинально сказал Уилфред.

– Что, черт поберет, значит это «да, сэр Джаспер»?

– Нет, сэр Джаспер.

Баронет жалобно запыхтел.

– Я, – сказал он, – внимательно изучал этот вопрос, и поистине речь идет об одном из чудес света. Вы когда-нибудь видели толстого камердинера? Разумеется, нет. И никто другой не видел. А ведь едва ли на протяжении дня выберется минута, когда камердинер не жевал бы чего-нибудь. Он встает в половине седьмого, а в семь пьет кофе с поджаренным хлебом. В восемь он завтракает овсянкой, сливками, яичницей с грудинкой, джемом, хлебом с маслом, затем накладывает себе еще яичницы с грудинкой, еще джема, еще масла, снова наполняет чашку чаем и завершает завтрак куском холодной ветчины и сардинкой. В одиннадцать часов поглощает кофе, сливки и опять-таки хлеб с маслом. В час дня – второй завтрак, обильный, с большим количеством крахмала и пива. А если сумеет подобраться к портвейну, то пьет портвейн. В три он перекусывает. В четыре снова перекусывает. В пять – чай и поджаренный хлеб с маслом. В семь – обед, почти наверное с мучнистым картофелем и непременно с пивом в больших количествах. В девять снова перекусывает. А в десять тридцать удаляется спать, захватив стакан молока и тарелку сухариков на случай, если ночью он проголодается. И тем не менее он остается худым, как гороховый стручок. Я же много лет соблюдаю строгую диету, но тяну на весах двести семнадцать фунтов и отращаю третий добавочный подбородок. Неразрешимая загадка, Стрейкер!

– Да, сэр Джаспер.

– Ну, я вам вот что скажу, – добавил баронет. – Я выписал из Лондона кабинетную турецкую парильню, и, если уж она не поможет, я откажусь от дальнейших усилий похудеть.

Кабинетная турецкая парильня прибыла в положенный срок и была распакована, а примерно на третий вечер Уилфред, предававшийся в столовой для слуг мрачным размышлениям, был отвлечен от них Мургатройдом.

– Э-эй! – сказал Мургатройд. – Прочухайся. Тебя сэр Джаспер зовет.

– Чем зовет? – спросил Уилфред, возвращаясь к действительности.

– Очень громко зовет, – пробурчал дворецкий.

И не преувеличил. Из верхних сфер дома доносились пронзительные вопли, явно исторгаемые смертельными муками. Уилфреду очень не хотелось вмешиваться, если – что казалось наиболее вероятным – его наниматель намеревался испустить дух в страшной агонии, однако Уилфред был добросовестным человеком, и пока он находился в этом зловещем доме, долг требовал, чтобы он выполнял обязанности, за которые ему платили. И Уилфред поспешил вверх. Войдя в спальню сэра Джаспера, он увидел малиновое лицо баронета, торчащее над верхним краем кабинетной турецкой парильни.

– Явились, наконец! – закричал сэр Джаспер. – Послушайте, когда вы заперли меня в этой адской штуковине, что, черт побери, вы сделали?

– Только то, что было указано в приложенном к ней руководстве. Следуя ему, я вставил штырь А в паз Б, закрыл защелку В.

– Все равно вы что-то напутали. Ее заклинило. Я не могу выбраться.

– Не можете?! – вскричал Уилфред.

– Нет. И проклятый аппарат становится горячее адских вертелов! (Я должен извиниться за выражения сэра Джаспера, но вы же знаете баронетов!) Да я тут сварюсь!

На Уилфреда Муллингера снизошло вдохновение, словно в него ударила молния.

– Я освобожу вас, сэр Джаспер.

– Да пошевеливайтесь же!

– Но с одним условием. – Уилфред устремил на своего собеседника пронзительный взгляд. – Сначала я должен получить ключ.

– Никакого ключа нет, болван! Она не запирается на замок, а просто защелкивается, как только вы располагаете выступ Г в этом, как его там, Д.

– Мне нужен ключ от комнаты, в которую вы заточили Анджелу Пьюрдию.

– Какую околесицу вы несете? О-ой!

– Я скажу вам какую, сэр Джаспер ффинч-ффароумир. Я – Уилфред Муллинер!

– Не будьте ослом! У Уилфреда Муллингера волосы черные. А ваши – рыжие. Наверное, вы его с кем-то путаете.

– Это парик! – сказал Уилфред. – От Кларксона. – Он угрожающе наставил палец на баронета. – Вы не ведали, сэр Джаспер ффинч-ффароумир, когда начали приводить в исполнение свой гнусный план, что Уилфред Муллинер неотступно следит за каждым вашим шагом. Я разгадал ваши замыслы сразу же. И теперь настала минута, когда вы получили мат. Давайте сюда ключ! Думали поставить на своем? Фиг вам, дьявол в человеческом облике!

– Ффиг! – машинально поправил сэр Джаспер.

– Я освобожу мою возлюбленную, умчу ее из этого страшного дома и женюсь на ней, как только получу особое разрешение на бракосочетание!

Несмотря на свои муки, сэр Джаспер испустил смешок, от которого кровь леденела в жилах.

– Ах, женитесь?

– Женюсь!

– Как же, как же!

– Дайте мне ключ!

– У меня его нет, олух! Он в замочной скважине.

– Ха-ха!

– Никакое не «ха-ха!». Он в замочной скважине. С той стороны двери.

– Очень правдоподобно! Но я не стану терять понапрасну время. Если вы не дадите мне ключ, я пойду и выломаю дверь.

– Сделайте одолжение! – Баронет вновь захохотал, как душа, поджариваемая в аду. – И послушайте, что она скажет.

Последняя фраза показалась Уилфреду бессмысленной. Он полагал, что уж это-то ему хорошо известно. Он словно видел, как Анджела рыдает у него на груди, шепча, что она знала – знала! – что он придет, что она ни на миг не усомнилась в нем. И он кинулся к двери.

– Эй! Вы что, не выпустите меня?

– Всею свое время, – ответил Уилфред. – Сохраняйте хладнокровие. – И выбежал из комнаты.

– Анджела! – закричал он, почти прикасаясь губами к филенке. – Анджела!

– Кто там? – донесся изнутри такой знакомый голос.

– Это я, Уилфред. Сейчас я взломаю дверь. Отойдите в сторону!

Он попятился на несколько шагов и изо всех сил ударил плечом в ненавистную преграду. Раздался оглушительный треск, замок поддался, и Уилфред ввалился в комнату, такую темную, что ничего не увидел.

– Анджела, где вы?

– Здесь. И хотела бы узнать, почему здесь вы, после моего письма? Видимо, некоторые люди, – продолжал голос непонятно ледяным тоном, – не понимают намеков.

Уилфред пошатнулся и упал бы, если бы не ухватился за собственный лоб.

– Письмо? – еле выговорил он. – Но конечно же, вы писали не то, что думали!

– Именно то, и жалею только, что не написала побольше.

– Но-но-но-но разве вы меня не любите, Анджела?

В комнате раздался жестокий язвительный смех.

– Люблю вас? Люблю человека, который рекомендовал мне приобрести муллинеровский крем для лица «Смуглая цыганка»?!

– Что означают ваши слова?

– Я вам покажу, что они означают, Уилфред Муллинер, взгляните на дело рук своих!

Комнату внезапно залил яркий свет. Перед Уилфредом с рукой на выключателе стояла Анджела – царственная, прелестная, в чьей сияющей красоте взыскательный критик мог бы найти лишь один изъян – некоторую пегость.

Уилфред смотрел на нее с обожанием. Лицо у Анджелы было частично бурым и частично белым, а на лилейной шейке виднелись светло-коричневые пятна, напоминавшие отпечатки больших пальцев, какие можно видеть на страницах книг, выдаваемых в бесплатных библиотеках. Но все равно для него она была несравненной красавицей. Он жаждал заключить ее в объятия и, несомненно, заключил бы, если бы ее взгляд не предупредил Уилфреда с абсолютной ясностью, что при таком поползновении его, без сомнения, встретит апперкот.

– Да, – продолжала она, – вот во что вы меня превратили, Уилфред Муллинер, – вы и это жуткое снадобье, которое вы называете кремом для лица «Смуглая цыганка»! Вот во что превратилась кожа, к которой вы любили прикасаться! Я последовала вашему совету и купила большую баночку за семь шиллингов шесть пенсов – и перед вами результат! Менее чем через сутки я могла бы явиться в любой цирк и потребовать любой гонорар за выступление в качестве «Пятнистой принцессы с островов Фиджи». Я укрылась здесь, в доме моего детства. И сразу же, – ее голос прервался, – сразу же мой любимый гнедой шарахнулся от меня и принялся грызть свои ясли. А едва Понто, мой миленький песик, которого я вырастила, взглянул на мое лицо, как пришлось вызывать ветеринара, и, увы, надежды на то, что он поправится, почти нет. И это вы, Уилфред Муллинер, вы навлекли на меня это проклятие!

Многие мужчины увяли бы от таких жгучих слов, но Уилфред Муллинер только улыбнулся с бесконечным состраданием и пониманием.

– Ничего страшного, – сказал он. – Мне следовало бы предупредить вас, любимая, что подобное иногда случается, если кожа особенно нежна и бархатиста. Но все можно незамедлительно исправить, применив муллинеровский лосьон «Снега горных вершин», четыре шиллинга за флакон средней величины.

– Уилфред! Неужели это правда?

– Чистейшая, любовь моя. И лишь это разделяет нас?

– Нет! – раздался громовой голос.

Уилфред мгновенно обернулся. В дверях стоял сэр Джаспер ффинч-ффарроумир, укутанный в махровое полотенце. Все видимые участки его кожи были ярко-алыми. Позади него поигрывал хлыстом Мургатройд, дворецкий.

– Вы не ждали меня увидеть?

– Бесспорно, – ответил Уилфред сурово, – я никак не ожидал увидеть вас в таком костюме в присутствии представительницы прекрасного пола.

– Мой костюм тут ни при чем, – отпарировал сэр Джаспер и обернулся к дворецкому. – Мургатройд, исполняйте свой долг!

Дворецкий перешагнул порог комнаты. Лицо его было ужасным.

– Остановитесь! – вскричала Анджела.

– Я же еще не начал, мисс, – почтительно указал дворецкий.

– Вы не прикаснетесь к Уилфреду! Я люблю его.

– Как! – изумился сэр Джаспер. – После того, что произошло?

– Да. Он все объяснил.

Карминное лицо баронета свирепо насупилось.

– Держу пари, он не объяснил, почему оставил меня вариться в адской турецкой парильне. От меня уже дым валит, когда Мургатройд, преданнейший из преданных, услышал мои крики, явился и освободил меня.

– Хотя в мои обязанности это и не входит, – пояснил дворецкий.

Уилфред устремил на баронета твердый взгляд.

– Если бы, – сказал он, – вы пользовались муллинеровским «Сбросим вес», признанным средством от тучности, как в форме таблеток, три шиллинга за жестянку, или в жидкой форме, пять шиллингов шесть пенсов за флакон, вам не было бы нужды в турецкой парильне. Муллинеровский «Сбросим вес», который не содержит никаких вредных химикалий, но составлен исключительно из целебных трав, гарантирует уменьшение веса непрерывно, плавно и без возникновения слабости со скоростью два фунта в неделю. Используется членами самых знатных семей.

Огонь ненависти угас в глазах баронета.

– Это факт? – прошептал он.

– Да!

– Вы гарантируете?

– Все муллинеровские препараты имеют полную гарантию.

– Мой мальчик! – вскричал баронет и потряс руку Уилфреда. – Бери ее, – добавил он прерывающимся голосом. – Вместе с моим б-б-благословением.

За его спиной раздалось деликатное покашливание.

– Сэр, а у вас случаем не найдется что-нибудь от прострела? – осведомился Мургатройд.

– Муллинеровский «Облегчитель» исцелит самый застарелый прострел за несколько дней.

– Да благословит вас Бог, сэр! Да благословит вас Бог, – прорыдал Мургатройд. – А где я мог бы его приобрести?

– В любой аптеке.

– Он меня прихватывает главным образом пониже спины, сэр.

– Больше ему вас прихватить не удастся, – сказал Уилфред.

Остается добавить совсем немного. Теперь Мургатройд – самый гибкий дворецкий во всем Йоркшире. Сэр Джаспер весит чуть меньше двухсот десяти фунтов и подумывает о том, чтобы вновь скакать за лисицей. Уилфред и Анджела – супруги, и, как меня поставили в известность, никогда еще свадебные колокола старинной церкви в деревушке ффинч не звонили с таким энтузиазмом, как в то июньское утро, когда Анджела повернула к своему любимому личико, коричневый оттенок которого был столь же глубок и ровен, как цвет антикварного орехового столика, и ответила на вопрос священника: «Берешь ли ты, Анджела, этого Уилфреда?» застенчивым «да». Теперь у них два чудесных мальчугана. Меньший, Персиваль, учится в приготовительной школе, а старший, Фердинанд, – в Итоне.

На этом мистер Муллинер, допив свое горячее виски, пожелал нам всего наилучшего и удалился.

С его уходом воцарилась тишина. Общество, казалось, погрузилось в глубокие размышления. Затем кто-то поднялся на ноги.

– Ну, что же, спокойной ночи всем, – сказал он.

И это словно бы подвело итог вечеру.

Муллинеровский «Взбодритель»

Деревенское хоровое общество поставило «Колдуна» Гилберта и Салливена для очередного сбора средств на церковный орган, и, когда мы сидели у окна «Отдыха удильщика», покупая трубки, по улочке мимо нас повалила толпа расходившихся зрителей. До наших ушей доносились обрывки куплетов, и мистер Муллинер принялся подпевать вполголоса.

– Ах, помню, что бле-е-едным и ю-у-у-ным я младшим священником был, – выводил мистер Муллинер тем посапывающим голосом, какой певцы-любители приберегают для старинных опусов. – Поразительно, – добавил он своим обычным тоном, – как изменяется мода даже на священников. В наши дни бледные и юные младшие священники практически перевелись.

– Совершенно справедливо, – согласился я. – В подавляющем большинстве это дюжие молодчики, чемпионы по гребле в своих колледжах. По-моему, бледного и юного младшего священника мне не довелось встретить ни разу.

– Мне кажется, вы не знакомы с моим племянником Августинном?

– Не имел удовольствия.

– Описание, даваемое в этих куплетах, удивительно ему подошло бы. Вам, разумеется, интересно узнать побольше о моем племяннике Августине.

В то время, о котором я говорю (начал мистер Муллинер), мой племянник Августин был младшим священником, очень юным и чрезвычайно бледным. В отрочестве его сила уходила в рост, и у меня есть основания полагать, что в богословском колледже некоторые наиболее необузданные натуры помыкали им. Во всяком случае, когда он обосновался в Нижнем Брискетте-на-Мусоре в качестве помощника приходского священника преподобного Стэнли Брендона, второго такого кроткого и скромного блюстителя душ вы бы не отыскиали на расстоянии дневного перехода. У него были льняные волосы, испуганные голубые глаза, а манерой держаться он походил на благочестивую, но робкую треску. Короче говоря, он был именно тем образчиком младшего священника, какой, видимо, столь часто встречался в восьмидесятых годах прошлого века, или когда там Гилберт писал либретто «Колдуна».

Характер его непосредственного начальника мало чем, а вернее, и вовсе ничем не способствовал тому, чтобы он мог преодолеть свою врожденную робость. Преподобный Стэнли Брендон был крупным, мускулистым субъектом с бешеным нравом, и его красное лицо вкупе с недобро посверкивающими глазками запугало бы даже самого искушенного младшего священника. В Кембридже преподобный Стэнли Брендон боксировал в тяжелом весе и во время обсуждения приходских дел, насколько я понял со слов Августина, казалось, всегда был готов прибегнуть к доводам, обеспечившим ему блестящий успех на ринге. Помнится, Августин поведал мне, как однажды, когда он осмелился высказать критическое замечание касательно украшения церкви ко Дню урожая, у него тотчас возникло ощущение, что он вот-вот получит хук правой в подбородок. Речь же шла о сущем пустяке: будет ли тыква лучше смотреться в апсиде или на хорах, если не ошибаюсь, и все-таки несколько секунд казалось, что вот-вот прольется кровь.

Таков был преподобный Стэнли Брендон. И тем не менее именно дочери столь внушительного субъекта осмелился отдать свое сердце Августин Муллинер. Поистине купидон превращает всех нас в героев.

Джейн была очень милой девушкой и полюбила Августина не меньше, чем он ее. Но поскольку у обоих равно не доставало духа пойти к ее отцу и поставить его в известность о положении дел, они были вынуждены встречаться тайно. Это мучило Августина, который, подобно всем Муллинерам, любил правду и не терпел обмана в какой бы то ни было форме. И как-то

вечером, когда они прохаживались между лавровыми кустами в глубине сада при церковном доме, он восстал.

– Моя дражайшая Джейн, – сказал Августин, – я долее не в силах сносить это утаивание. Я немедленно пойду в дом и попрошу вашей руки у вашего отца.

Джейн побледнела и уцепилась за его локоть. У нее не было ни малейших сомнений, что, попытавшись привести в исполнение этот безумный план, получит он там не ее руку, а ногу ее отца.

– Нет, нет, Августин! Ни в коем случае!

– Но, милая, это же единственный достойный образ действий.

– Только не сейчас. Молю тебя, не сейчас!

– Но почему?

– Потому что папа в ужасном настроении. Он только что получил письмо от епископа с выговором за излишества золотой вышивки на облачении, и это его ужасно расстроило. Видишь ли, он учился с епископом в школе и никак не может забыть об этом. За обедом он сказал, что покажет этому сопляку, Носатому Бикертону, если тот думает, будто может им командовать.

– А епископ приедет завтра на конфирмацию! – ахнул Августин.

– Да. И я ужасно боюсь, что они поссорятся. Так жаль, что папа получил приход в епархии своего однокашника. Он не может забыть, как однажды дал ему в глаз, когда тот пролил чернила на его воротничок. Каково теперь папе признавать над собой духовную власть такого епископа. Так ты не пойдешь к нему сегодня и ничего не скажешь?

– Ни в коем случае, – заверил ее Августин с легкой дрожью.

– И не забудешь, когда вернешься домой, подержать ноги в горячей воде с горчицей? Трава такая сырая от росы!

– Непременно, любимая.

– Ты ведь знаешь, что у тебя слабое здоровье.

– Да, здоровье у меня слабое.

– Право же, тебе надо бы принимать какое-нибудь хорошее укрепляющее средство.

– Да, пожалуй. Спокойной ночи, Джейн.

– Спокойной ночи, Августин.

Влюбленные расстались. Джейн тихонько проскользнула в отчий дом, а Августин направился в свое уютное жилище на Главной улице. И первое, что он увидел, войдя в дверь, был пакет на столе, а рядом с ним письмо.

Он безучастно вскрыл конверт – его мысли были далеко-далеко.

«Дорогой Августин...»

Он открыл последнюю страницу и взглянул на подпись. Письмо было от его тети Анджелы, супруги моего брата Уилфреда Муллингера. Быть может, вы помните историю, которую я как-то поведал вам, – о том, как они поженились. Если так, то, наверное, вы не забыли, что мой брат Уилфред был именитым ученым-химиком и среди многого прочего создал такие всемирно прославленные препараты, как муллинеровский крем для лица «Смуглая цыганка» и муллинеровский лосьон «Снега горных вершин». Он никогда не был особенно близок с Августин, однако Августина и его тетюшку давно связывала теплая дружба.

Анджела Муллингер писала:

«Мой дорогой Августин!

Последнее время я очень много думаю о тебе. Когда мы виделись в последний раз, у тебя был очень болезненный вид, указывающий на недостаток витаминов. От души надеюсь, что ты бережешь себя.

Я уже какое-то время подумываю, что тебе следует принимать какое-нибудь укрепляющее средство, и, по счастливому стечению обстоятельств,

Уилфред только что создал тонизирующую микстуру – по его словам, лучшее из всего, что ему удавалось сделать до сих пор. Называется «Взбодритель» и воздействует непосредственно на красные кровяные тельца. В продажу он еще не поступил, но я сумела тайно изъять из лаборатории Уилфреда флакон с опытным образцом и хочу, чтобы ты немедленно его испробовал. Я убеждена, это именно то, что тебе требуется.

Твоя любящая тетя Анджела Муллинер.

P.S. Примешь столовую ложку перед сном и еще одну непосредственно перед завтраком».

Августин не отличался суеверностью, но подобное совпадение – ведь он получил тонизирующую микстуру сразу же после того, как Джейн сказала, что ему необходимо принимать укрепляющее средство, – потрясло его до глубины души. Усмотрев в этом перст судьбы, он взболтал содержимое бутылки, откупорил ее, наполнил столовую ложку до краев, закрыл глаза и разом проглотил тонизирующую микстуру.

К его приятному удивлению, на вкус она оказалась вполне сносной. В ней чувствовалась пикантность, которую приобретает херес, если его долго взбивать подметкой от старого сапога. Приняв предписанную дозу, Августин почитал богословский трактат, а затем разделся и лег в постель.

Едва его ноги скользнули под одеяло, как он с досадой обнаружил, что миссис Уордл, его квартирная хозяйка, в который раз забыла положить ему в постель грелку. Сколько раз он повторял этой бабе, что у него мерзнут ноги и заснуть он способен, лишь когда они хорошенько согреются.

Августин вскочил с кровати и выбежал на верхнюю площадку лестницы.

– Миссис Уордл! – закричал он.

Ответа не последовало.

– Миссис Уордл! – возопил Августин голосом, от которого оконные рамы задребезжали, будто под ударами крепчайшего норд-оста. До этого вечера он очень боялся своей квартирной хозяйки и в ее присутствии ступал и говорил пиано. Но теперь он ощутил непонятное, прежде неведомое ему мужество. Голова у него немножко шла кругом, и он чувствовал себя готовым помериться силой с дюжиной миссис Уордл.

Послышались шаркающие шаги.

– Ну, что там еще? – осведомился ворчливый голос.

Августин негодуя фыркнул.

– Я скажу вам, что там еще! – взревел он. – Сколько раз я твердил, чтобы вы клали грелку в мою постель? А вы опять забыли, старая вы перечница!

Миссис Уордл прищурилась и посмотрела вверх, полная воинственного изумления.

– Мистер Муллинер, я не привыкла...

– Заткнитесь! – загремел Августин. – Поменьше возражений, побольше грелок, вот что от вас требуется. Немедленно принесите грелку, не то я съеду завтра же! Я делаю последнюю отчаянную попытку вбить в ваш бетонный череп, что в этой деревне комнаты сдаете не вы одна. Еще хоть слово – и в двух шагах отсюда я найду достойный прием. Подать сюда грелку! И поживей!

– Да, мистер Муллинер. Разумеется, мистер Муллинер. Сию секунду, мистер Муллинер.

– Пошевеливайтесь! – бушевал Августин. – Пошевеливайтесь! Живой ногой!

– Да-да, как скажете, мистер Муллинер, – донесся снизу укрощенный голос.

Час спустя, когда сон уже смежал вежды Августина, ему в голову заползло сомнение. Не был ли он чуточку слишком резок с миссис Уордл? Не был ли его тон несколько категоричным,

даже слегка грубым? Да, решил он с сожалением, был, был. Он зажег свечу и раскрыл лежащий на тумбочке дневник.

И сделал запись.

«Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю. Достаточно ли я кроток? Не знаю, не знаю. Нынче вечером, выговаривая миссис Уордл, моей достойнейшей квартирной хозяйке, за то, что она забыла положить грелку мне в постель, я пенял ей почти в гневе. Повод был очень весомый, и тем не менее я, бесспорно, виноват в том, что позволил своим страстям выйти из-под контроля. Нотабене: впредь остерегаться подобного».

Однако, когда он проснулся утром, возобладали иные чувства. Он принял дозу «Взбодрителя», положенную перед завтраком, и, взглянув на последнюю запись в дневнике, не мог поверить, что она вышла из-под его пера. «Почти в гневе»? Естественно, он был почти в гневе. Да и кто не был бы почти в гневе, если бы его допекали идиотки, забывающие положить грелки в постели?

Перечеркнув эти слова жирнейшей чертой, какую только способен оставить самый мягкий карандаш, он торопливо написал на полях: «Манная кашка! Поделом старой дуре!» – и спустился вниз к завтраку.

Он чувствовал себя на редкость хорошо. Без сомнения, указывая, что микстура эта могуче воздействует на красные кровяные тельца, его дядя Уилфред не ошибся. До этой минуты Августину даже в голову не приходило, что где-то в нем имеются красные кровяные тельца, но теперь, ожидая, пока миссис Уордл принесет яичницу, он ощущал, как они отплясывают во всех уголках его организма. Казалось, они буйными компаниями весело скатываются вниз по позвоночнику. Глаза у него искрились, и, уступая радости бытия, он пропел несколько тактов из духовного гимна, посвященного морякам, обремененным годами.

Он все еще пел, когда вошла миссис Уордл с тарелкой в руках.

– Что это? – спросил Августин, вперяясь в тарелку.

– Вкусенькая яичница, сэр.

– А что, позвольте вас спросить, вы подразумеваете под «вкусенькой»? Возможно, это добросердечная яичница. Возможно, это благовоспитанная яичница, исполненная самых благих намерений. Но если вы полагаете, будто она пригодна для человеческого потребления, избавьтесь от этого вредного заблуждения. Вернитесь на кухню, женщина, выберите другое яйцо и на сей раз попытайтесь не забывать, что вы все-таки кухарка, а не мусоросжигатель. Между яичницей поджаренной и яичницей кремированной существует заметная и принципиальная разница. И эту разницу, если хотите, чтобы я остался жильцом в этих непомерно дорогих комнатах, вы постараетесь усвоить.

Чудесное ощущение, что жизнь прекрасна, с которым Августин встретил этот день, не только не убывало, а, наоборот, словно бы усиливалось. Молодой человек кипел такой энергией, что, против обыкновения, не провел утро, скорчившись у горящего камина, но взял шляпу, надел ее под лихим углом и отправился совершить оздоровляющую прогулку по лугам.

И на обратном пути ему выпало стать свидетелем зрелища, очень редкого для сельской местности в Англии, – зрелища епископа, бегущего во всю прыть. В таких захолустьях, как Нижний Брискетт-на-Мусоре, вообще крайне трудно увидеть епископа во плоти. И в подобных исключительных случаях он либо едет в величественной машине, либо шествует величавой походкой. А этот епископ наддавал, как победитель дерби, и Августин остановился, чтоб упиться неожиданным зрелищем сполна.

Этот епископ был крупным, дородным епископом, созданным более для прочности, чем для скорости, но тем не менее он показывал прекрасное время. И пронесся мимо Августина в вихре мелькающих гетр, а затем, демонстрируя свою разносторонность как атлета, он внезапно свернул к дереву и стремительно взобрался на высокий сук. Как без особого труда отгадал Августин, им руководило желание избежать более близкого знакомства с огромным мохнатым

псом, который усердно гнался за ним. Пес достиг дерева через секунду после того, как его добыча скрылась между ветвей, остановился у ствола и залаял.

Августин неторопливо подошел поближе.

– Маленькое недоразумение с бессловесным другом? – осведомился он благодушно.

Епископ посмотрел на него со своей вышки.

– Молодой человек, – сказал он, – спасите меня!

– Сей, вне всяких сомнений, момент, – отозвался Августин. – Положитесь на меня!

До этого дня все собаки внушали ему смертельный ужас, но теперь колебания были чужды Августину. Стремительнее, чем поддается описанию, он схватил с земли камень, метнул его в пса и испустил торжествующий вопль, когда камень с громким хлопком угодил в цель. Пес, знавший свою меру, покинул место действия со скоростью около сорока пяти миль в час, и епископ, опасливо спустившийся на землю, крепко сжал руку Августина.

– Мой избавитель! – сказал епископ.

– Забудьте! – бодро отозвался Августин. – Всегда рад выручить товарища. Мы, священнослужители, должны стоять друг за друга.

– Я думал – еще минута, и он меня растерзает.

– Не самый приятный собачей. Просто кипел нерастраченным пылом.

Епископ кивнул.

– Но зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась. Второзаконие, тридцать четыре, семь, – добавил он. – Быть может, вы укажете мне дорогу к церковному дому? Боюсь, я немного заблудился.

– Я провожу вас туда.

– Благодарю. Но пожалуй, будет лучше, если внутрь вы заходить не станете. Мне необходимо обсудить серьезнейшие дела со стариной Мордатом, с преподобным Стэнли Брендоном, хотел я сказать.

– А мне надо обсудить серьезнейшее дело с его дочерью. Я поброжу по саду.

– Вы превосходный молодой человек, – сказал епископ, когда они направились к деревне.

– Младший священник, а?

– Пока. Но, – добавил Августин, потыкав пальцем в грудь своего спутника, – погодите немного и увидите, как я воспарю. Я только одного прошу: погодите и поглядите.

– Непременно. Вы, несомненно, подниметесь высоко, на самую вершину дерева.

– Прямо как только что вы, а? Ха-ха!

– Ха-ха! – отозвался епископ. – Ах вы, юный плутишка!

И он ткнул Августина пальцем под ребро.

– Ха-ха-ха! – ответил Августин.

Он похлопал епископа по спине.

– Но шутки в сторону, – сказал епископ, когда они вошли в сад при церковном доме.

– Я действительно намерен присмотреть за вами и позабочусь, чтобы вы поскорее получили приход, которого заслуживаете своими талантами и характером. Говорю вам, мой милый юный друг, со всей серьезностью, что я еще не видел ловкости, равной той, с какой вы спровадили камнем эту псину. А я всегда говорю только чистую правду.

– Велика правда и могущественнее всего сущего. Ездра, четыре, сорок один, – сказал Августин.

Он повернулся и неторопливо зашагал к лавровым кустам, обычному месту своих свиданий с Джейн. Епископ направился к парадной двери и дернул колокольчик.

* * *

Хотя они не договорились встретиться, Августин был удивлен, когда по прошествии нескольких минут Джейн не вышла к нему. Он не знал, что отец велел ей утром развлекать супругу епископа и показать ей все достопримечательности Нижнего Брискетта-на-Мусоре. С возрастающим нетерпением он прождал еще четверть часа и уже собирался уйти, как до его слуха из дома донеслись сердитые голоса.

Он остановился. Голоса, казалось, исходили из комнаты на первом этаже, обращенной окнами к саду.

Легкою стопою пробежав по траве, Августин замер под окном и стал слушать. Рама была приподнята на четверть, и он различал каждое слово.

Говорил священник голосом, сотрясавшим комнату.

– Значит, так? – сказал священник.

– Именно так, – сказал епископ.

– Ха-ха!

– Да, вот именно, ха-ха! – отпарировал епископ с запальчивостью.

Августин приблизился еще на шаг. Ясно было, что опасения Джейн оправдались и между былыми школьными товарищами возникла серьезная ссора. Он осторожно заглянул внутрь. Священник, заложив руки за фалды сюртука, расхаживал взад и вперед по ковру, а епископ, стоя спиной к камину, бросал на него вызывающие взгляды с каминного коврика.

– Кто тебе наговорил, будто ты что-то понимаешь в облачениях? – грозно спросил преподобный Брендон.

– Кто надо, тот и наговорил, – отрезал епископ.

– Да ты даже не знаешь, что такое облачение.

– Ах так?

– Ну и что это?

– Свисающая с плеч пелерина, расшитая золотыми полосами. Можешь спорить, сколько хочешь, Мордатый, но факт остается фактом – на твоих золотых полос слишком много. И заруби себе на носу: либо ты убережешь часть этих полос, либо схлопочешь.

Глаза священника запылали яростью.

– Так, значит? – сказал он. – И не подумаю! Понял? У тебя хватило нахальства явиться сюда и начать командовать. В этом ты весь! Ты словно бы забыл, что я тебя знал, когда ты был еще Носатым, весь в чернилах, и если бы я захотел, то мог бы порассказать о тебе кое-что, посмеить газетных читателей.

– Мое прошлое – открытая книга.

– Да неужто? – Преподобный Брендон злоехидно засмеялся. – А кто посадил белую мышь в стол француза?

Епископ вздрогнул.

– Кто в дортуаре намазал джемом простыню старосты? – отпарировал он.

– У кого воротничок всегда был грязным?

– Кто носил пристегнутую манишку? – Великолепный органоподобный голос епископа, чей самый слабый шепот был слышен в дальних приделах собора, загремел на полную мощь. – Кого вывернуло за ужином?

Преподобный Брендон содрогнулся с головы до ног. Его красное лицо обрело малиновый оттенок.

– Ты прекрасно знаешь, что индейка была тухлой, – сказал он свистящим шепотом. – Кому угодно могло стать нехорошо.

– Индейка тут ни при чем! Просто ты обожрался. Если бы ты с таким же старанием возвышал свою душу, как отращивал живот, то мог бы, – сказал епископ, – удостоиться столь же высокого сана, как я.

– Ах вот как?

– Впрочем, возможно, я ошибаюсь. На это у тебя ума не хватило бы.

Преподобный Брендон испустил еще один режущий ухо смех.

– Ум! Скажите на милость! Мы-то знаем все про этот твой высокий сан и про то, как ты до него поднялся!

– Что ты имеешь в виду?

– Что сказал. Докапываться не будем.

– Почему это вы не будете докапываться?

– Потому что, – ответил преподобный Брендон, – лучше будет не докапываться!

Епископ потерял самообладание. Его лицо исказилось от гнева, он шагнул вперед – и в тот же миг Августин непринужденно прыгнул в комнату.

– Ну-ну-ну! – сказал Августин. – Ну-ну-ну-ну-ну!

Противники окаменели и немо уставились на пришельца.

– Будет, будет вам, – сказал Августин.

Первым опомнился преподобный Брендон и смерил Августина свирепым взглядом.

– Это с какой стати вы прыгаете в мои окна? – загремел он. – Вы младший священник или Арлекин?

Августин не дрогнул под его взглядом.

– Я младший священник, – сообщил он с достоинством, которое так его красило. – И как младший священник я не могу оставаться в стороне и смотреть, до какой степени забываются двое выше меня саном, и уж тем более школьные товарищи. Это нехорошо. Очень нехорошо, высшие саном ребятки!

Преподобный Брендон закусил губу. Епископ склонил голову.

– Послушайте, – сказал Августин, кладя ладони на плечи обоих, – мне горько видеть, как такие славные парни ссорятся столь неподобающим образом.

– Он первый начал, – обиженно сказал священник.

– Не важно, кто начал, – властным жестом Августин помешал епископу возразить и продолжал: – Будьте разумны, милые мои. Уважайте правила ведения дебатов. Не скупитесь на мягкую уступчивость. Вы утверждаете, – он обернулся к епископу, – что наш добрый друг имеет избыток золотых полос на своем облачении?

– Вот именно. И я стою на этом.

– Да-да-да. Но что такое, – успокоил его Августин, – что такое парочка лишних полос между друзьями? Подумайте! Вы и наш достойнейший приходской священник учились вместе в школе. Вас связывают священные узы вашей старенькой альма-матер. С ним вы резвились на площадке для игр. С ним вы делили одну шпаргалку и швырялись смоченными чернилами шариками в час, отведенный для занятий французским языком. Неужели все это ничего не значит для вас? Неужели эти воспоминания не задевают струны ваших сердец? – Он умоляюще перевел взгляд с одного на другого. – Ваше преподобие!

Преподобный Брендон, отвернувшись, утирал глаза. Епископ нашаривал в кармане носовой платок. Воцарилось молчание.

– Извини, Мордатый, – сказал епископ прерывающимся голосом.

– Я наговорил лишнего, Носатый, – промямлил священник.

– Если хочешь знать, что я думаю, – сказал епископ, – то ты совершенно прав, объясняя свое легкое недомогание за ужином недоброкачеством индейки. Помнится, я тогда же сказал, что эту птицу в подобном состоянии не следовало подавать на стол.

– А ты, посадив белую мышь в стол учителя французского, – сказал священник, – оказал человечеству одну из величайших услуг за все время его истории. Тебя следовало бы рукоположить в епископы прямо на месте!

– Мордатый!

– Носатый!

Они обменялись сердечным рукопожатием.

– Чудесно! – сказал Августин. – Значит, все тип-топ?

– Вполне, – ответил преподобный Брендон.

– Что до меня, то тип-топее не бывает, – отозвался епископ и нежно обратился к своему старому другу. – А ты будешь и дальше носить столько золотых полос на своем облачении, сколько тебе хочется, ведь правда, Мордатый?

– Нет-нет. Теперь я вижу, что заблуждался. С этих пор, Носатый, ни единой золотой полосы!

– Но, Мордатый...

– Ничего, – заверил его священник. – Есть они, нет их, мне все равно.

– Чудо-человек! – восхищенно сказал епископ и кашлянул, чтобы скрыть свои чувства.

Снова воцарилась тишина. – Пожалуй, – продолжал он после паузы, – я расстанусь с вами, мой дорогой, и отправлюсь на поиски жены. Она, если не ошибаюсь, где-то в деревне вместе с вашей дочерью.

– Они как раз направляются сюда.

– А, да! Вижу. Ваша дочь очаровательна.

Августин хлопнул его по плечу.

– Ай да епискуля! – воскликнул он. – Этим все сказано. Она самая прелестная, самая милая девушка в мире. И я был бы рад, ваше преподобие, – он повернулся к священнику, – если бы вы дали согласие на наше незамедлительное бракосочетание. Я люблю Джейн со всем пылом порядочного человека и счастлив поставить вас в известность, что она отвечает мне взаимностью. Заверьте же нас в вашей согласии, и я тотчас отправлюсь распорядиться об оглашении.

Преподобный Брендон подпрыгнул, как укушенный. Подобно многим приходским священникам, он придерживался самого низкого мнения о младших священниках без прихода, а Августина всегда ставил несколько ниже среднего уровня этого презируемого сословия.

– Что?! – вскричал он.

– Счастливейшая мысль, – объявил епископ, просяяв. – Потрясающая перспектива, скажу я.

– Моя дочь! – Преподобный Брендон был совсем ошарашен. – Моя дочь – замужем за младшим священником?!

– Ты сам был когда-то младшим священником, Мордатый.

– Да, но не таким, как этот.

– Да! – сказал епископ. – Таким ты не был. И я не был. И нас обоих можно только пожалеть. Узнай же! Этот молодой человек неизмеримо превосходит всех молодых людей, каких я только встречал. Известно ли тебе, что не далее как час тому назад он с несравненной находчивостью спас меня от огромного мохнатого пса с черными пятнами и перебитым хвостом? Мне угрожала неминуемая гибель, Мордатый, когда вдруг появился этот молодой человек и с удивительным присутствием духа, а также меткостью превыше всех похвал вмазал псу увесистым камнем в ребра и обратил его в паническое бегство.

Преподобный Брендон, казалось, боролся с сильнейшими эмоциями. Глаза у него выпучились.

– Пес с черными пятнами?

– Очень черными, но, боюсь, не чернее сердца, которое они прячут!

– И он действительно вмазал ему камнем в ребра?

– Насколько я мог судить, именно в ребра.

Священник протянул руку.

– Муллинер, – сказал он. – Этого я не знал. В свете фактов, на которые только что было обращено мое внимание, я без колебаний снимаю свои возражения. У меня с этим псом счеты со второго воскресенья перед третьим воскресеньем до Великого поста, когда он вцепился мне в лодыжку, пока я прогуливался по берегу реки, сочиняя проповедь «О некоторых тревожных проявлениях так называемого современного духа». Берите Джейн. Я охотно даю согласие. И пусть она будет счастлива, как должна быть счастлива любая девушка с подобным мужем!

После обмена еще несколькими трогательными фразами епископ с Августином покинули церковный дом. Епископ пребывал в раздумье и долго молчал.

– Я обязан вам очень многим, Муллинер, – наконец сказал он.

– Право, не знаю, – сказал Августин. – Разве?

– Очень, очень многим. Вы спасли меня от большой беды. Не прыгни вы в окно именно в ту секунду, не вмешайся – и я почти уверен, что мой дорогой старинный друг Брендон получил бы в глаз. Мое терпение подверглось жесточайшему испытанию!

– С нашим добрым священником иной раз бывает трудно, – согласился Августин.

– Мой кулак уже сжался, и я как раз отводил плечо для размаха, когда вы остановили меня. Мне страшно подумать, к чему все это могло привести, если бы не ваши зрелые не по годам тактичность и деликатность. Меня могли бы лишиться сана! – При этой мысли он задрожал, хотя день был очень теплый. – Я больше никогда не посмел бы показаться в «Атенеуме». Но тсс! – продолжал епископ, похлопав Августина по плечу. – Не будем задерживаться на том, что быть могло бы. Расскажите мне про себя. Очаровательная дочь преподобного Брендона – вы действительно ее любите?

– О да, да!

Лицо епископа посуровело.

– Подумайте хорошенько, Муллинер, – сказал он. – Женитьба – это не шутка. Не спешите, очертя голову, но прежде взвесьте все. Я сам супруг, и, хотя мне выпало великое счастье найти преданную подругу жизни, тем не менее порой мне кажется, что мужчине лучше оставаться холостяком. Женщины, Муллинер, непостижимы.

– Справедливо, – согласился Августин.

– Моя дорогая супруга – лучшая из женщин. И, как я не устаю повторять, хорошая женщина – это дивное творение, прилежащее добру, и она остается таковой при всех изменениях. Прелестна в своей юной красе и прелестна всю жизнь в красе сердца. И все же...

– И все же? – сказал Августин.

Епископ на мгновение задумался. Он слегка поизвивался с болезненным выражением на лице и почесал себя между лопаток.

– Хорошо, я откроюсь вам, – начал епископ. – Сегодня теплый ясный день, не так ли?

– Исключительно превосходная погода, – сказал Августин.

– Ясный солнечный денек, веет умеренный западный бриз. И все же, Муллинер, если вы способны поверить этому, моя супруга настояла, чтобы утром я надел толстое зимнее шерстяное белье. Поистине, – вздохнул епископ, – что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина, красивая и безрассудная. Притчи, одиннадцать, двадцать один.

– Двадцать два, – поправил Августин.

– Я и хотел сказать двадцать два. Оно из толстой фланели, а у меня очень чувствительная кожа. Будьте так любезны, милый, почешите меня пониже лопаток кончиком вашей трости. Мне кажется, это утишит раздражение.

– Но, мой милый несчастный старина епископ, – сочувственно сказал Августин. – Это недопустимо!

– Вы не говорили бы столь категорично, Муллинер, если бы знали мою жену. Ее решения бесповоротны.

– Вздор! – весело вскричал Августин. Он посмотрел между стволами деревьев туда, где леди епископша в сопровождении Джейн с безупречным сочетанием сердечности и снисходительности рассматривала сквозь лорнет лобелию. – Я в один момент все для вас устрою.

Епископ вцепился ему в локоть.

– Мой мальчик! Что вы задумали?

– Я просто намерен поговорить с вашей супругой, изложить ей суть дела как разумной женщине. Зимнее белье из толстой фланели в такой день! Нелепо! – сказал Августин. – Возмутительно! Никогда не слышал подобной чуши!

Епископ смотрел ему вслед, а его сердце наливалось свинцом. Он уже успел полюбить этого молодого человека, словно родного сына. И при виде того, как он столь беспечно устремляется прямо в пасть гибели, им овладела глубокая печаль. Епископ знал, какой становится его благоверная, если ей пытаются перечить даже самые высокопоставленные особы в стране – а этот доблестный юноша был всего лишь младшим священником. Еще несколько секунд – и она поглядит на него сквозь лорнет, а Англия усеяна сморщенными останками младших священников, на которых леди епископша поглядела сквозь свой лорнет. Он не раз видел, как они, удостоившись чести завтракать за епископским столом, съеживались, будто присыпанные солью слизны.

Епископ затаил дыхание. Августин приблизился к леди епископше, и леди епископша уже поднимала свой лорнет.

Епископ зажмурил глаза и отвернулся. А затем – годы и годы спустя, как ему почудилось, – его окликнул веселый голос, и, обернувшись, он увидел, что Августин бежит вприпрыжку между деревьями.

– Все в порядке, – доложил Августин.

– Все в-в порядке? – запинаясь, повторил епископ.

– Да. Она говорит, что вы можете пойти переодеться в тонкое кашемировое.

Епископ пошатнулся.

– Но... но что вы ей сказали? Какие доводы привели?

– Да просто заметил, что день такой теплый, и немножко пошутил по ее адресу.

– Пошутили по ее адресу?

– И она согласилась со мной очень по-дружески и сердечно. И пригласила меня как-нибудь на днях заглянуть к вам во дворец.

Епископ сжал руку Августина, как тисками.

– Мой мальчик, – сказал он надломленным голосом, – вы не просто на днях заглянете во дворец. Вы поселитесь во дворце. Будьте моим секретарем, Муллинер! И сами назначьте себе жалованье. Если вы намерены жениться, вам следует получать больше. Станьте моим секретарем, мальчик мой, и всегда оставайтесь при мне. Я много лет нуждался в ком-то вроде вас.

Уже близился вечер, когда Августин вернулся к себе – его пригласили ко второму завтраку в церковном доме, и он был душой небольшого веселого общества, собравшегося за столом.

– Вам письмо, сэр, – заискивающе сообщила миссис Уордл.

Августин взял письмо.

– С сожалением должен сказать, что скоро покину вас, миссис Уордл.

– Ах, сэр! Если я могу чем-нибудь...

– Не в том дело. Просто епископ сделал меня своим секретарем, и мне придется перевезти свою зубную щетку и штиблеты во дворец. Понимаете?

– Только подумать, сэр! Да вы и сами скоро будете епископом!

– Не исключено, – сказал Августин. – Отнюдь. А теперь разрешите мне прочитать его. – И он вскрыл конверт. По мере чтения его брови сходились на переносице во все большей задумчивости.

«Дорогой Августин.

Пишу в некоторой спешке, торопясь сообщить, что импульсивность твоей тетушки заставила ее совершить серьезную ошибку.

По ее словам, она отправила тебе вчера по почте флакон с образчиком моего нового «Взбодрителя», который изъала без моего ведома из лаборатории. Упомяни она о своем намерении, я предотвратил бы большую неприятность.

Муллинеровский «Взбодритель» существует в двух формах – форма А и форма Б. Форма А – мягкое, но укрепляющее средство, предназначенное для людей, страдающих теми или иными недугами. Форма же Б, напротив, должна применяться исключительно в животном царстве и была создана для удовлетворения спроса, давно существующего в наших индийских владениях.

Как тебе, несомненно, известно, любимое времяпрепровождение магараджей – охота на тигров из беседки на спине слона. И в прошлом нередко случалось, что магараджу поджидало разочарование из-за расхождения во взглядах слона и его владельца на охоту как приятный досуг.

Чересчур часто слоны, завидев тигра, поворачивались и галопом отправлялись домой. Для борьбы с этой их повадкой я и создал муллинеровский «Взбодритель-Б». Одна столовая ложка «Взбодрителя-Б», подмешанная к утренней порции отрубей, понудит боязливейшего слона громко затрубить и, глазом не моргнув, ринуться на свирепейшего тигра.

А потому воздержись от употребления содержимого флакона, сейчас у тебя находящегося.

Остаюсь

Твой любящий дядя

Уилфред Муллинер».

Досконально изучив дядину эпистола, Августин некоторое время пребывал в глубоком раздумье. Потом поднялся на ноги, насвистел несколько тактов псалма, исполняемого во время службы двадцать шестого июня, и вышел из комнаты.

Полчаса спустя по проводам летела следующая телеграмма:

«Уилфреду Муллинеру

«Башенки», Малый Лоссингем, Сейлоп.

Письмо получено. Вышлите незамедлительно наложенным платежом три ящика «Б». Благословенны житницы твои и кладовые твои. Второзаконие, двадцать восемь, пять.

Августин».

Епископ на высоте

Близился вечер очередного воскресенья, и в залу «Отдыха удильщика» вошел мистер Муллинер, на чьей голове, вместо обычно украшавшей ее старенькой выдавшей виды фетровой широкополой шляпы, на этот раз красовался блестящий цилиндр. Цилиндр этот вкупе с солидной чернотой его костюма и елеем в голосе, каким он заказал горячее шотландское виски с лимоном, натолкнули меня на заключение, что он почтил своим присутствием вечернюю службу в нашей церкви.

– Хорошая была проповедь? – осведомился я.

– Очень недурная. Читал ее новый младший священник, как будто бы приятный молодой человек.

– Кстати, о младших священниках, – сказал я. – Мне хотелось бы узнать, что случилось с вашим племянником. С тем, о котором вы рассказали мне на днях.

– С Августином?

– Тем, который принимал «Взбодритель».

– Да, это Августин. И я польщен и очень тронут, – продолжал мистер Муллинер, просяив, – что вы не забыли тривиальную историйку, которую я вам поведал. В нынешнем эгоцентричном мире далеко не всегда можно найти столь отзывчивого слушателя. Дайте вспомнить, на чем мы расстались с Августином?

– Он только что стал секретарем епископа и поселился в епископском дворце.

– А, да! В таком случае мы вернемся к нему примерно через полгода после указанной вами даты.

В обычае доброго епископа Стортфордского было – ибо, подобно всем прелатам нашей церкви, он любил труды свои – приступать к своим дневным обязанностям (начал мистер Муллинер) в бодром и веселом расположении духа. И когда он входил в свой кабинет, чтобы заняться делами, которых могли потребовать письма, достигшие дворца с утренней почтой, на его губах играла улыбка, и они, возможно, напевали строки какого-нибудь забористого псалма. Однако сторонний наблюдатель не преминул бы заметить, что в то утро, с которого начинается наша история, вид у епископа был сосредоточенный, если не сказать озабоченный. У двери кабинета он остановился, словно не желая войти в нее, но затем с видимым усилием воли повернул ручку.

– Доброе утро, Муллинер, мой мальчик, – сказал он со странной неловкостью.

Августин бодро оторвался от писем, которые вскрывал.

– Привет, епискуля. Как поживает нынче наш прострел?

– Боли, благодарю вас, Муллинер, заметно уменьшились. Собственно говоря, почти исчезли. Прекрасная погода, видимо, идет мне на пользу. Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей. Песнь Песней, два, одиннадцать и двенадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.